

Ч А Р О Д Е Й К И

— К А Р И Н А —
Д Е М И Н А

♦♦ В Д О В А Е Г О
В Е Л И Ч Е С Т В А ♦♦

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Демина, Карина.

Д30 Вдова его величества : [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 352 с. — (Чародейки).

ISBN 978-5-17-134062-9

В шестнадцать Катарина стала очередной супругой Генриха VIII. В двадцать она овдовела, а в двадцать семь — сбегала из золотой клетки дворца. Но жизнь на свободе вовсе не так легка, как ей представлялось. Старое поместье бережно хранит свои тайны, новые родственники полны грандиозных планов, в которых Катарине отведено особое место, да еще кто-то явно вознамерился избавиться от бедной вдовы. И единственная надежда разобраться во всем — королевский дознаватель, верный слуга короны и сосед, который имеет дурную привычку разгуливать по чужим садам в неподобающем виде.

Впрочем, что с нелюди взять?

Разве что помощь, пару водяных лилий и обещание, что все когда-нибудь да наладится.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134062-9

© К. Демина, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ГЛАВА 1

У свободы был вкус горелого пирожка, запивать который приходилось горьковатым и явно подбродившим компотом. По пальцам стекал жир, грозя добраться до кружевного манжета, и Катарина, оглядевшись и убедившись, что никому-то здесь не интересна, торопливо слизала каплю.

Зажмурилась от удовольствия.

Нет, жир горчил, и жарили на нем явно не первую порцию этих вот пирожков. И оттого горечь его пропитала тесто, а на золотистой корочке то тут, то там появились весьма характерного вида точки. Но само понимание, что она может вот так взять и облизать пальцы...

Душа пела. Сердце колотилось.

И только желудок опасливо заурчал, предупреждая, что привык к совсем иной еде.

— Дорогая, — мьесс Джио к пирожкам отнеслась с некоторой долей предубеждения, а компот, понюхав, и вовсе отставила в сторону. — Не подумай, что я собираюсь критиковать твой выбор, хочу лишь напомнить, что следующая остановка лишь в Бристоне, до которого, если память мне не изменяет, более двадцати миль.

Катарина икнула. Она помнила.

Она прекрасно все помнила и даже осознала, что эти двадцать миль в почтовой карете покажутся ей вечностью и что не стоит усугублять ситуацию, вот так пробуя весьма сомнительного качества пищу, но и отказать себе в этакой малости Катарина не могла. Более того, промывав в ответ что-то невнятное, она вцепилась в пирожок зубами, и тесто лопнуло, правда, не с той стороны, где ожидалось, и горячее повидло потекло на пальцы, а с них не замедлило плюхнуться на юбку.

Что ж, следовало признать, что и у свободы имелись свои недостатки.

Мьесс Джио молча протянула платок.

— Благодарю, — Катарина позволила себе еще одну вольность, ответив с набитым ртом. Но пятно платком прикрыла. И пирожок доела.

И даже без компота. Пирожок ладно, а вот с компотом и вправду не стоит. Целительские амулеты далеко не со всякой напастью справиться способны.

— Не сожалеешь? — поинтересовалась мьесс Джио, забираясь в карету. Та была огромной снаружи, но притом удивительно тесной и душной изнутри.

Жесткие лавки стояли столь плотно друг к другу, что Катарина невольно касалась других пассажиров не только руками, но и коленями, что, кажется, весьма радовало пухлого господина, устроившегося напротив. Во всяком случае, он поглядывал на Катарину с немалым интересом и время от времени даже подкручивал кончики великолепных усов.

Или вот доставал часы. Откидывал крышку.

Глядел задумчиво, не столько интересуясь временем, сколько используя возможность продемонстрировать собственное состояние. Часы были позолоченными, а цепочка, может стать, даже золотой. И сей факт весьма заинтересовал соседку Катарини, женщину дебеливатую, степенную, обожающую рюшечки и трех дочерей, имена, да и подробности жизни которых скоро узнали все независимо от своего желания. Больше всего доставалось господину, но он не злился, а, напротив, явно чувствовал себя польщенным.

Интересно. И странно.

Странна теснота. Запахи, которых становится все больше. Многие неприятны, но Катарина согласна терпеть. И даже не тянется за платком, что пропитан розовой эссенцией. Она разглядывает этих людей, столь необычных и непривычных, что даже страшно.

Как она будет среди них? Вот так просто... взять и жить? Она уже забыла, что так можно.

— А вы, стало быть, вдова? — женщина переключила внимание на Катарину. — И давно?

— Давно, — сердце екнуло. А вдруг...

И тут же Катарина одернула себя. Это просто разговор. Обыкновенный. Не стоит искать в нем скрытых смыслов.

— Шесть лет.

— Сочувствую, — без толики сочувствия сказала женщина. — Сколько вам лет?

— Двадцать семь, — и здесь Катарина не лгала. Какой смысл?

Женщина пожевала губами, будто решая, стоит ли тратить на Катарину собственное время и драгоценное мнение, но все-таки снизошла:

— И стало быть, сирота?

— Почти. Тетушка... вот... имеется.

Упомянутая тетушка приподняла кружевной платок и кивнула, обозначая, что она и вправду имеется.

— Печально, печально... у меня есть одна знакомая, — женщина наклонилась, почти легла на колени пухлого господина, чье лицо вытянулось то ли от удивления, то ли от возмущения. То ли просто от страха не совладать с внушительными достоинствами случайной знакомой.

Этак ведь и раздавить человека можно.

— У нее весьма обширные знакомства, если вы понимаете... — громким шепотом произнесла женщина.

Катарина не понимала, но кивнула.

— И она весьма охотно способствует устройству личного счастья...

Господин крикнул, а Катарина с трудом удержалась, чтобы не сказать, что ее счастье однажды уже устроили. Хватит.

— И если пожелаете...

На нее уставились, ожидая ответа. Фыркнула мьесс Джио, а Катарина, потупившись, пролепетала:

— Понимаете... я... я так любила мужа... я до сих пор забыть его не могу. — И подхватила слезинку.

— Ну и дура, — спокойно ответила женщина, возвращаясь на место.

Как есть. Полная.

Кто еще добровольно променяет великолепный дворец на захолустный городишко? Откажется от титула и состояния, что стоит за этим титулом? Власти? Привилегий?

Ночных кошмаров. Страха, что однажды она, Катарина, станет слишком заметной фигурой, и тогда... дворцовые лестницы круты, а коридоры темны. И слабой ли женщине справиться с тварями, что в них обретаются?

Нет, нет...

Она отвернулась к окошку, крохотному и мутному, будто сделанному специально для того, чтобы подразнить. За ним проплывали поля и какие-то домишки. Колеса грохотали. Карета тряслась. И хотелось закрыть глаза и уснуть. Усталость навалилась сразу и вдруг. И руки задрожали, накатила привычный ужас, лишая самой способности двигаться, оставив одно желание — сползти на грязный пол и забиться под лавку. Но теплое прикосновение мьесс Джио вернуло способность дышать.

И считать.

Один — аметист. Хороший камень для целительских амулетов, но не терпит серебра, начинает болеть и мутнеет. А вот на платине, напротив, раскрывается.

Аместистами были украшены браслеты, которые надевали королеве на руки. И на ноги. До того, как эти руки и ноги украсились иными узорами. Браслеты древние, тяжелые и больше всего напоминают кандалы. И Катарина знает, что эти браслеты вполне могут смениться настоящими кандалами.

Если она даст повод.

— Закрой глаза, дорогая, — мьесс Джио умеет говорить так, что призраки отступают. — Поспи, нам далеко еще... хорошо, если дотемна доберемся.

— А куда вы направляетесь? — Этот голос прозвучал откуда-то издалека.

Катарина заставила себя слушать не людей, а карету. Скрип дерева. И стон металла, который тоже умеет уставать. Скрежет. Постукивание.

Слабый треск дорожного амулета, призванного облегчить вес этого чудовища на колесах. Но амулет устарел, да и не заряжали его давненько, вот и работал он едва ли в треть силы.

Ничего. Доберутся. А что к ночи, так оно и лучше... она все-таки заснула и оказалась в своих покоях. Огромное пространство, кровать под тяжелым балдахином. Шерстяные тюфики придворных дам, которым выпала высокая честь дежурить этой ночью. Севилла сидит в одной ночной рубашке, слишком откровенной, чтобы это было прилично. Но она плевать хотела на приличия. Она ждет. Слегка подогнула одну ногу, вытянула другую. Волна светлых волос разметалась по обнаженным плечам. На фарфоровом личике застыло выражение счастья. Она надеется, что ее заметят.

И Катарина тоже надеется. Она готова принять новую фаворитку и уступить ей нынешнюю ночь, как и все последующие. Правда, Севилла не ограничится статусом фаворитки, она, как и многие, мечтает стать королевой. Девятой. Это ведь несложно.

Его шаги слышит не только Катарина. Тяжелые. Медленные. Ворчание.

И ругань. И стало быть, нога болит сильнее обычного. И может быть, настолько, чтобы... но нет, он останавливается перед дверью. И Катарина делает вдох. Она сползает с кровати, готовая приветствовать супруга и повелителя.

— Приехали, — болезненный тычок разрушил полотно сна. — Деточка моя, тебе все же стоит принимать успокоительное.

— Я принимаю.

— Не то, — мьесс Джио признавала лишь одно успокоительное, односолодовое и пятнадцатилетней выдержки, и предпочитала держать его при себе, утверждая, что в ее возрасте нервы стоит беречь. — Поверь, ты принимаешь совсем не то.

Подхватив юбки, она отмахнулась от пухлого господина, решившего быть любезным, и спрыгнула на землю. Потянулась, взмахнула руками.

— Боги, ну и дыра, — мьесс Джио всегда отличала некоторая прямолинейность. — Еще немного — и я поверю, что побывала в заднице мира.

На станции было пусто. Темно.

Единственный фонарь скорее привлекал мошкарю, нежели разгонял темноту. В мутное стекло его стучались ночные бабочки, и влажный этот звук показался Катарине до невозможности мерзким.

— Нам стоит найти экипаж, — Катарина поежилась.

Ее слегка знобило — то ли от нервов, то ли от холода. Она поправила перчатки, зачем-то разгладила юбку, на которой позорным клеймом выделялось пятно от повидла. Приподнялась на цыпочки, сиюсь разглядеть хоть что-то.

Темнога. Тишина.

И даже лошади вздыхают бесшумно, не смея нарушать ночной покой города. А ведь и вправду, что делать? Будь Катарина одна, она бы и пешком отправилась, зная бы еще куда, но ведь есть багаж, который сгрузили прямо на землю. И теперь гора чемоданов намекала, что без помощи им не обойтись. А ведь брала самое, как казалось, необходимое.

У мьесс Джио были собственные представления о необходимом, оттого, верно, и набралось его с полдюжины чемоданов, а к ним пара бочонков и два сундука, перетянутых цепями. Вспомнилось вдруг, что при дворе ходил упорный слух, будто в сундуках этих мьесс Джио хранит головы недостаточно старательных любовников.

— Эй, милейший, денег хочешь? — поинтересовалась мьесс Джио в темноту.

И как ни странно, та ответила сильным голосом:

— Кто ж не хочет?

— Тогда найди дамам экипаж. И помоги... со всем этим. К слову, душечка, разве нас не должны были встречать?

— Должны, — вынуждена была признать Катарина.

Она сама отправляла вестника. И выходит... выходит, он потерялся? Невозможно. Или тогда ее неправильно поняли? Тоже сомнительно. Вряд ли в этом городе есть еще одна станция. А Бристон — ближайший к поместью город.

Тогда...

— Не переживай, лапочка, — мьесс Джио весьма споро столковалась о чем-то с господином столь пугающей внешности, что вряд

ли Катарина вовсе решила бы подойти к нему. — Вот доедем, там и выясним, кому выписать плетей.

Ехать пришлось на телеге.

На огромной такой телеге, дно которой устилало сено. На сено бросили дерюжку, а уж на нее с извинениями и немалым, а главное, весьма искренним пиететом усадили Катарину. Тот тип просто-напросто поднял ее, будто в Катарине вовсе не было веса, и сунул в солому, сказав:

— Звиняйте, госпожа... вот шкуру еще суньте, помягше будет.

Шкура оказалась медвежьей, но пахло от нее травами.

На телегу загрузили чемоданы и бочонки, и даже сундукам нашлось место. Мьесс Джио устроилась подле возницы, и это отчего-то не удивляло.

— А расскажите, милейший, что у вас тут за место такое...

Телега шла медленно, но мягко, куда мягче кареты. Покачивались борта, скрипели колеса, от соломы пахло чем-то непривычным, но приятным.

— ...Даже так... удивительно, а вот...

Мимо проползали улицы. Редкие фонари. Темные дома, казавшиеся одинаково недружелюбными. Изредка раздавался лай собак, который, впрочем, стихал.

— ...И даже так?

Она умела говорить с людьми, неважно, с мужчинами или женщинами, с теми, кто стоял подле золотого трона, искренне недоумевая, что делает здесь же Джио, и с другими, которых было гораздо больше. Первые ее опасались, не понимая природы ее власти, как не понимала и сама Катарина, просто принимая как должное, что Джио может если не все, то многое. Вторые, пожалуй, почитали Джио если не своей, то всяко близкой по духу.

Разговор вился. И длился.

И город проплывал рядом, такой вдруг большой, хотя куда меньше Лондиниума. И пахло здесь лучше. И скрип колес убаюкивал, а шкура была тепла.

— Вы б тоже до сена полезли, госпожа, а то ж ехать нам еще и ехать...

— Долго?

— Дык... сперва до Бузинной улицы, там поворот от Кожевеного. И еще один опосля ратуши, а потом уж напрямки через холмы.

Описание не вдохновляло. А если бы мьесс Джио не нашла этого увальня? Катарина запоздало расстроилась. Подобное небрежение говорило об одном: за хозяйку ее не считали.

— Не расстраивайся, лапонька, — мисс Джио ловко перебралась на сено. — Подвинься-ка... следовало ожидать подобного.

— Почему?

Беззвучно раскрылся защитный полог, от которого привычно закололо в висках. И Катарина поморщилась. Ладно там, в прошлой ее жизни, он и вправду был нужен. Но здесь-то кого бояться? Агрессивных сверчков? Или того кота, который громко жаловался на несложившуюся личную жизнь?

— Потерпи, — мягко произнесла мьесс Джо. — Одно дело, если за всем этим и вправду стоит обыкновенная человеческая глупость, и совсем другое, если...

Она не стала договаривать, как делала порой, когда хотела, чтобы собеседник сам включил голову. И Катарина кивнула.

Есть шанс? Еще какой.

Пока она жива, она мешает.

Отцу, который рассчитывал, что Катарина исполнит свой долг перед семьей, о чем не уставал напоминать при каждой встрече, будто это была ее вина в том, что никак не удавалось забеременеть. А потом, позже, он так же тихо радовался и нашептывал, что с Джоном стоит сблизиться, что поглядывает он на Катарину вовсе не так, как следует смотреть на мачеху, что если она воспользуется ситуацией... Она не воспользовалась. Дура.

Врагам отца, не слишком довольным, что и после смерти короля род Годдардов не просто сохранил, но и упрочил свое положение.

Людям посторонним, с Катариной вовсе не знакомым, но полагающим, что время ее истекло, а уходя, возвращаться не стоит. Тем паче когда вот-вот объявят о помолвке Джона с... с кем-нибудь да объявят, он пока и сам не знает, кого выбрать.

Самому Джону.

И хочется верить, что уж он-то был искренен, но... он, что бы там ни говорили, сын своего отца, а стало быть, злопамятен, обидчив и умеет ждать. А ситуация весьма удобна.

Нет.

Это страх. Джон не такой. Джон уговаривал ее остаться. Не как любовницу — они оба отлично понимали, насколько опасна подобная связь. Ему нужен был друг. И помощник. Просто кто-то, с кем можно поговорить.

Хотя бы о Генрихе. Или о Королевской башне. О том, каково это, просыпаясь, видеть темную стену и эшафот, который не разбирали, ибо слишком уж хлопотное это дело. Умываться ледяной водой. Завтракать, гадая, придет ли после завтрака жрец или обойдется?

Искать тепла в комнатах, пусть роскошных по сравнению с камерами и подземельями, но все же...

Джон знал, благодаря кому он выжил той ночью, когда мятеж почти случился. А Катарина догадывалась, куда подевался тот ро-

ковой приказ, который почти успел. И может, реши она остаться, однажды Джон рассказал бы... или она? Или оба, перебивая друг друга, избавляясь наконец от страха, который и в нем был, сидел занозой.

Но нет. Им бы не позволили и этой дружбы, как не позволили бы ничего напоминающего привязанность.

А потому Джон понял. И принял.

И не стал бы пользоваться случаем. Кто, кроме него, знает о том, куда направилась Катарина? Сиддарт? Старый приятель Джона. Верный друг. Тот, кто тихо ненавидит Катарину, хотя она точно не виновата в смерти его отца.

Приговоры выносил Генрих.

А Катарина... королева обязана присутствовать что на суде, что на казни. И понимает ли он? Понимает. Поэтому и держит свою ненависть при себе, позволяя лишь едкие шпильки, и то будто бы ненароком. Но стал бы он сдерживаться теперь? Или воспользовался бы случаем?

Еще был Грейсон, который как раз и нашел усадьбу. И хозяйку ее, что отправилась в монастырь, ибо таково было ее желание. Так он сказал. Но Грейсону верить не стоит. Всегда был пронырой. И пусть клятву дал, но Катарина знает, что любую клятву при желании можно обойти.

И страшно. Опять.

— Не гадай, — строго велела мьесс Джио, — лучше и вправду отдохни.

— Что-то не спится. Луна яркая. Ты когда-нибудь видела настолько яркую луну?

Она была кругла и желта, что головка сливочного сыра. Она нависала над городом, грозясь раздавить и ратушу, и дома вокруг нее. Луна отражалась в узкой речушке, через которую повозка перевалила не сразу, даже подумалось, что все-таки не одолеет она этот горбатый мост. Но нет, лошадь справилась, а возница затянул песню на непонятном языке.

— Надо же, — мьесс выгащила серебряную флягу и потрясла. — Вьесс. Здесь. То-то он такой здоровый... полукровка, похоже. Будешь?

— Нет.

Ей нельзя пить.

Запретили целители еще тогда, когда пытались наполнить ее тело силой, когда выжигали на руках руны, превращая Катарину в сосуд. Впрочем, даже они знали, что ничего не выйдет.

Для зачатия нужны двое. Но кто бы признал, что дело не в ней, что...

Она прикусила губу. Прошлое ушло, а руны остались, и острое неприятие алкоголя. Она пробовала напиться, уже там, в Королевской башне, решив, что терять нечего. И в итоге всю ночь маялась животом.

Мьесс Джио покачала головой.

Свести бы их. И когда-то Катарина рискнула спросить. Просто спросить. У того, кого полагала достаточно надежным человеком. И ответ получила, да... а еще гнев отца, которому тотчас донесли.

— Все закончилось, девонька, — Джио редко называла Катарину по имени, и порой в этом чудилась издевка, словно напоминание, что она, Катарина, слишком ничтожна, чтобы запоминать ее имя. — Одно закончилось, другое начинается.

ГЛАВА 2

Дом выглядел брошенным.

Он, отделенный от дороги витою оградой, пики которой серебрились в лунном свете, прятался в дебрях парка. Разросшиеся кусты подобрались вплотную к дороге, просунули сквозь прутья колючие лапы. Накренилось, грозя обрушиться, дерево, и уродливые ветви его вывернулись, наклонились, точно оно все еще пыталось устоять, опираясь ими на ненадежную землю.

Ржавые ворота. И пустая дорога. Слабый огонек у темной громадины здания, выглядевшего брошенным и оттого еще более уродливым. Разбитые ступени, мраморные сфинксы и колонны, облюбованные плесенью. Здесь пахло сырой землей, камнем и еще чем-то на редкость неприятным.

Катарина моргнула. И приняла руку, которую ей подал молчаливый гигант. И лишь оказавшись у земли, тихо поинтересовалась:

— Как вас зовут?

— Грай, госпожа, — гигант склонил голову, сделавшись вдруг похожим на королевского палача. Тот тоже отличался немальными размерами, а еще был застенчив и явно чувствовал себя виноватым.

Но странное дело, палач Катарина не боялась. Он обещал, что мучить не станет. И что помолится.

А она подарила ему кольцо с аметистом — для его беременной жены... и еще другое, платой за услугу, воспользоваться которой так и не рискнула.

Следовало бы забрать тот флакон. Но вот беда, в суматохе Катарина просто-напросто забыла.

— Спасибо, Грай, — она улыбнулась.

Королева должна уметь улыбаться, даже когда хочется завопить от боли и страха. Или просто попроситься обратно в телегу. Там сено теплое.

— Так это...

— Идем, — мьесс Джио решительно зашагала по ступеням, и мрамор похрустывал под квадратными ее каблуками. — Эй, есть тут кто-нибудь?

Дверной молоток тюкнулся в пластину, и та издала жалкий звук, то ли вой, то ли скрежет. Артефакт был испорчен, и давно.

— Есть тут...

На кончиках пальцев Джио заплясали искры, и Грай размашисто перекрестился. Значит, из этих, полагающих, что Бог един и всемогущ? Странно. Катарине казалось, что они не принимают нелюдей, а вот поди ж ты...

— Эй, открывайте, пока...

— Погоди, — Катарина коснулась двери и, закрыв глаза, сосредоточилась. Как она и ожидала, запирающие плетения оказались слабыми. Они и существовали лишь за счет остаточного фона, тянули силу из окружающего мира, благо дом, как и многие старые особняки, был построен на перекрестье энергетических линий. Но все одно этого оказалось недостаточно.

Стоило потянуть на себя, и сеть рассыпалась.

А Грай, кажется, вновь перекрестился.

Дверь открылась с протяжным скрипом. Темно. И неприятный запах усилился. Боги, сколько же здесь не проветривали? Ощущение, что с тех самых времен, как дом и отошел короне.

Джио подвинула Катарину и втянула гнилостный воздух:

— Проклятие!

— Живых — трое. — Сила отзывалась легко, и проклятые руны не мешали, разве что руки и плечи привычно зачесались, но это Катарина как-нибудь потерпит. — Не здесь... там.

— Кто тут?.. — сильный голос разорвал темноту. — Сейчас полицию вызову...

— А и вызывай! — Джио явно обрадовалась.

Но искры погасли. И значит, он тоже видит эту троицу. Не маги, что, правда, ничего не значит, ибо существуют специальные амулеты, скрывающие ауру. Да и обыкновенных людей не стоит недооценивать. Но навстречу вышла старуха в дрянном бумазейном платье. В руке она держала фонарь, отсветы которого ложились на изрезанное морщинами лицо, добавляя ему и лет, и уродства. Катарина отметила и строгий чепец, и сероватый фартук со многими карманами, и кожаные нарукавники, протянувшиеся до

самых плеч. Из-за них руки старухи казались несуразно пухлыми, тогда как сама она была тоща.

— Кто вы такие? — поинтересовалась она.

— Госпожа Катарина Говард, — мьесс Джио поморщилась и помахала перед носом платком, который вряд ли способен был справиться с вонью. — Хозяйка этих развалин.

Старуха фыркнула, но как-то неуверенно.

— Как вышло, что нас не встретили?

В доме что-то закрипело, заскрежетало, будто он пытался про-снуться, но не находил в себе сил. И потому вздыхал всем своим тяжелым телом.

— Почему никого не было на станции?

— Сплит, — старуха опустила фонарь, и желтые пятна света легли на пол. — Небось опять в кабак заглянул, засранец этакий. Уволю, как пить дать уволю...

Впрочем, сказано это было без особой надежды, точно старуха знала, что при всем ее желании уволить негодяя не выйдет.

— Уволим, — а вот мьесс Джио была настроена куда более решительно. — Завтра. Как явится... дорогой Грай, не соизволите ли вы заняться багажом? Перенесите пока сюда, а уж завтра... мы решим, что и как.

Завтра.

Катарина обняла себя, сиюсь успокоить дрожь. Неужели по-лучилось? И у нее будет это самое завтра? Не в золотой клетке дворца, а в собственном доме, где она хозяйка, а не очередная пешка в большой политической игре?

— А вы, любезнейшая, надеюсь, комнаты приготовили? Хотя бы комнаты...

Приготовили.

Правда, камин разжечь никто не удосужился, а старые арте-факты, защищавшие дом от сырости, давно иссякли. И теперь в спальне было откровенно холодно. За окном подвывал ветер. Темные ветви деревьев почти касались стекла, и Катарине каза-лось, что там, в ветвях, кто-то прячется.

Казалось.

Это просто дом. И ничего больше. Хмурая девица, явно не-довольная появлением хозяев, разобрала постель. Слегка смяла подушку, сделав вид, что взбивает ее. Губы девицы шевелились, и у Катарини сложилось впечатление, что она ругает.

Катарину? Неумную мьесс Джио, потребовавшую немедля раз-вести огонь в камине? Или сам этот камин, чищенный, кажется, в прошлом веке? Отсутствующие грелки, трубы заросли сажей,

и огонь развести не удалось, зато на древнем ковре появились кучки пепла. Молоко, за которым пришлось спустаться на кухню. И ночные горшки. Туалеты в доме тоже не работали.

— Да, девонька, я знала, что нас не любят, но чтобы настолько? — мьесс Джио обошла комнату, ненадолго задержавшись у окна. Казалось, она просто коснулась источенных жуком рам, но Катарина увидела бледную сеть, что приклеилась к этим самым рамам.

От сети лозы охранного заклятия поползли по стенам, вливаясь в старые каналы, пусть и сухие, но вполне себе надежные.

— Это ж надо было выбрать такую... дыру, — она добавила пару слов покрепче.

Заклятие разрасталось и тянуло силы, но Джио, казалось, этого не замечала. Сил у нее было много.

— Зачем?

— На всякий случай, — мьесс Джио понюхала стену. — Не нравится мне это место. И эти люди.

— Думаешь?..

— Думаю, что две милые дамы и в самом деле кажутся легкой добычей. Не стоит недооценивать человеческую глупость.

Дверь попытались открыть. И ойкнули, когда ручка вспыхнула, раскаляясь.

— Стучать не пробовали? — поинтересовалась мьесс Джио. — Или вас, дорогуша, не учили тому, что должна знать любая мало-мальски приличная горничная?

Давешняя девица глядела мрачно, исподлобья. И кажется, с трудом сдерживалась, чтобы не высказать мьесс Джио все, что о ней думает.

— Можешь быть свободна. До утра. Я привыкла вставать рано. И будь добра, передай, что предпочитаю завтракать нормально, без всяких этих полезных каш на воде. Так что пусть озаботятся, если, конечно, твоя бабка хочет сохранить свое место.

Мьесс Джио забрала у девицы кувшин с водой и отпустила взмахом руки. И дверь закрыла.

— Бабка?

— Да по ним видно. К слову, старуха маг, пусть и весьма слабый, но обученный. Не люблю крыс. И место это мне не нравится. Очень не нравится.

Воду она поставила на кривоватый столик. Огляделась.

— Завтра надо будет пригласить мастеров. Надеюсь, в этом захолустье найдется кто-то с умеренной криворукостью... чтомотришь, лапонька? Раздевайся и ложись, отдых тебе нужен.

Это Катарина и сама понимала.

Глаза слипались, а тело вновь сделалось мягким, напрочь чужим. Она ощущала себя со стороны и удивлялась собственной неловкости.

Забывла, как раздеваться самой?

Там ей помогали три придворные дамы, каждая из которых не отказалась бы занять место Катарини, до конца не понимая, насколько неудобен трон и тяжела корона.

Пуговики выскальзывали из пальцев, но Катарина справилась. И шпильки вытащила. Распелела тяжелую косу и нашла в себе силы расчесать локоны.

Может, обрезать?

Эта мысль преследовала ее давно, еще с того дня, когда ей позволили покинуть Королевскую башню, нарядили в черные одежды и закрыли лицо плотным покрывалом. Когда поставили у гроба, вручив букет белых лилий, и она маялась от дурноты, не способная передать этот букет кому-то.

Катарина забралась в ледяную постель и натянула пуховое одеяло, кажется, слишком тонкое, чтобы согреть.

— Погоди, детонька, — мьесс Джио связывала нити заклития воедино. — Сейчас согреем...

— Я сама...

— Лежи уже, сама... — проворчала Джио, касаясь горячими пальцами лба. И Катарину окутало облако тепла, заставив выдохнуть с облегчением. — Спи. Завтра во всем разберемся...

Она устроилась рядом, на кушетке.

И Катарина промолчала, зная, что Джио не уйдет и не ляжет в одну постель, пусть и места в ней хватило бы для семерых. У нее свои принципы, хотя и непонятные. И... пускай. Как ни странно, сон навалился сразу и был почти пустым, разве что Катарина слышала, как хрипло беседуют древние вороны Королевской башни. Их голоса пробивались сквозь толщу камня, но странным образом успокаивали.

Вороны хранили королей.

И королев тоже.

Наверное.

Катарина проснулась засветло, но все равно позже Джио, которая успела исчезнуть, в чем не было ничего необычного. Скорее странно было бы, упусти она этакую возможность. Дом был огромен и нов и манил этой новизной, обещая тысячу и одну тайну.

Джио тайны любила.

А вот Катарина села в постели, которая при зыбком утреннем свете выглядела белой и старой. На простыне виднелись латки,

из плоских подушек лез пух, а одеяло и вовсе сбилось влажноватым комом.

Во дворце подобного не допускали.

Катарина потрогала пол, убеждаясь, что на ощупь он еще более холодный, чем на вид. Зевнула. И решила. Платье лежало здесь же, простое, темно-зеленого цвета, приличного для вдовы в долгом трауре. Панталоны и шелковые чулки. Подвязки. Нижняя рубашка из тонкого, но все одно накрахмаленного до колючести полотна. Платье садится хорошо, и Катарине остается лишь слегка поправить воротничок.

И брошь посадить. Проверить плетение камней, которые отзываются на прикосновение легко. В пару серьги, дополняющие защиту. И тонкий невзрачный браслет. Перчатки.

Волосы Катарина заплела в обыкновенную косу, дав себе слово, что всенепременно обрежет. Вечером же... сегодня. Или завтра.

Она коснулась двери, и защита пропустила ее.

Дом был тих и печален. Сейчас, пробуждаясь ото сна, он предстал перед Катариной в истинном своем облике. Мраморные полы, рисунок которых почти исчез под слоем грязи. Потёки копоти на потолке. И следы огня на шпалерах, будто здесь что-то горело, но не понять, что именно. Факелы? Их давно уже не используют. А вот чаши для огненных камней остались, хотя и те лет двадцать как сменились светящимися кристаллами, куда более безопасными. Дом, выходит, не переделывали.

Пустые рамы на стенах. Куда подевались картины? И кто разрезал старый гобелен? И почему его вообще не убрали? А вот это пятно на стене явно выделяется. Что здесь висело? Чей-то портрет?

Грязный камин. Пыль в углах. Паутина. Опустевшие артефакты, причем с выдранными накопителями. Какое варварство! Кому понадобились эти куски горного хрусталя? Особой ценности они не представляют, а вот дому пришлось тяжело.

Катарина спустилась по боковой лестнице, узкой и темной, предназначенной для слуг. Здесь было значительно чище. Лестница вывела в коридор, а тот закончился дверью, которая открылась совершенно беззвучно.

Сад дичал.

Катарина прошлась по узкой тропинке, и пришлось подобрать юбки, чтобы не замочить их. Трава поднималась едва ли не до колена. То тут, то там в ней терялись россыпи бело-розовых маргариток, среди которых изредка попадались и одуванчики. Особенно много их скрывалось под кустами одичавших роз, чьи колючие плети расплзлись змеями, переплелись, будто запирая путь в глубины сада. Туда, где шумели огромные, мрачные на вид деревья.

Дуб?

Определенно. И яшень, и терновник, которому точно не место в приличных садах. Дворцовые мастера пришли бы в ужас, увидев это место, а Катарина вдруг поняла, что ей нравится.

Груда камней, затянутая зеленым мхом. И тонкая нить ручья, пробившаяся из-под этой груды. Водосборы, что протянулись по бережкам его, развесив голубые свои колокольчики. И строгость ядовитых аконитов. Надо будет собрать, но потом, позже, как войдут в силу.

Катарина подняла юбки еще выше.

Королевы не бегают по саду и не забираются на камни. Им полагается шествовать медленно, не роняя своего достоинства, и исключительно по дорожкам. Им стоит помнить о том, как выглядят они в глазах подданных и что любое слово, любой взгляд, любой жест может быть истолкован превратно.

Королевам лучше вовсе не покидать отведенных покоев.

Катарина тряхнула головой и решительно перепрыгнула через ручеек. Стянула туфли, оглянувшись — тишина и пустота, — сняла и чулки. Замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. И, вытянув ногу, коснулась-таки земли.

Теплая. И трава щекочет.

Катарина тихо засмеялась. Юбки выше, и... прыжок через темный валун, на котором замерла бабочка. Испугавшись тени, та поднялась, закружила. И на душе вдруг стало легко-легко.

Королевы не бегают? Пускай. Какое счастье, что Катарина больше не королева.

Она сама не поняла, как оказалась в этой части парка. Заброшенные цветочницы, позеленевший камень которых облюбован лишайником, а у подножия чаш расползся ковер темных фиалок. Звенят полупрозрачные крылья стрекоз. И густая тень укрывает от солнца влажное подбрюшье леса.

Пожалуй, что уже именно леса. Одичавшая малина манила пчел белым цветом. И позже здесь появятся ягоды.

...Во дворце малина росла даже зимой. И ягоды давала крупные, сладкие, вот только без запаха. Катарине они казались настоящими.

Она коснулась колючек. Отступила. Поморщилась, когда в пятку впился острый сучок. И, устроившись здесь же, в тени куста, надела туфли, благо не стала бросать их там, у ручья.

— Так-то лучше, — сказала Катарина, и на звук ее голоса откликнулись пичуги. Кто-то тревожно зазвенел в ветвях старого дуба, и голос этот подхватили другие, разнесли по саду.

А потом Катарина увидела его.

То есть сперва не увидела, скорее ощутила присутствие человека и замерла, попяtilась, скрываясь в колючках малины. Тяжелые ветви раздвинулись, пропуская Катарину, и сомкнулись, запирая ее, защищая лесною короной. Мелко задрожали листья, растревоженно загудели пчелы.

А сердце забилось быстро-быстро.

Не стоило уходить из дома. Одной. И так далеко.

Амулеты... пусть Катарина сама их делала, но тем лучше она понимает, что амулеты не спасут от всего, что сейчас она куда более уязвима, чем во дворце, что...

Замяукала сойка. Хрустнула ветка под чьей-то ногой. И Катарина заставила себя застыть, пальцы ее стиснули брошь, выпуская дремлющее заклятие. Теплые нити собственной силы оплели Катарину, и малина, казалось, отзываясь на магию, плотнее сдвинула ветви.

Вот так. Это не невидимость. Но если сидеть тихо... очень-очень тихо, то ее не заметят. Даже если пройдут рядом, то все одно не заметят. А Катарина умеет таиться. Главное — победить собственный страх, который нашептывал, что самое время бежать и звать на помощь, что если Катарина поторопится, она успеет, что дом недалеко, а в доме люди.

Чужие люди. В чужом пока доме.

Она стиснула зубы и заставила себя дышать спокойно.

А гость остановился у дуба. Огляделся. И сбросил на траву перевязь с парой клинков. Затем снял куртку. Рубашку. Высокие сапоги. Штаны...

Катарина нахмурилась. Если ее собрались убивать, то... как-то слишком уж... вызывающе? Или он просто одежду вымазать не желает?

Он был высок. Очень высок. Пожалуй, куда выше Джона, не говоря уже о Генрихе, который весьма гордился собственным ростом. И кажется, именно факт, что Джон перерос отца, и злил его безмерно.

Катарина икнула и тотчас зажала рот руками.

Ей доводилось видеть голых мужчин. То есть почти голых, потому что ее супруг и в постели предпочитал оставаться в нижней рубашке, тканью стыдливо прикрывая раздобревшие тела. И тогда Катарине это казалось нормальным.

...В тот вечер, наспех сращивая колотую рану, она даже прикоснулась к обнаженной мужской груди, но почему-то тогда не испытала и толики нынешнего стыда. Может, оттого, что Джон умирал? А она боялась, что он все-таки умрет, что малых ее сил не хватит, а целительские амулеты вовсе не так и хороши?

Хватило.

И тяжелые платиновые браслеты сделали свое дело, пусть и предназначались вовсе не для того, чтобы исцелять мятежников. Кажется, и шрама не осталось. Или все-таки? Она так и не рискнула спросить.

У нынешнего мужчины шрамов хватало. Они вились по смуглой коже белыми узорами. Одни были толстыми и светлыми, словно ветки, другие — тонкими, едва заметными. И Катарине казалось, что еще немного — и она поймет смысл этого рисунка, но тот ускользал. А мужчина, наклонившись, подхватил клинки.

Вдохнул воздух.

...А ведь он не человек. Это стало ясно с первого движения, текучего, что вода. Люди не способны так двигаться. И рост, и светлые, почти белые волосы — это ненормально. Волосы он забирал в косу, выплетая ее так хитро, что не у всякой камеристки получилось бы.

Он крутанулся на месте, рассекая клинками воздух, а Катарина подумала, что убивать ее, кажется, все-таки не будут. А утро можно считать полностью удавшимся.

ГЛАВА 3

Клинки пели.

И голоса их успокаивали, смиряя ярость, кипевшую в крови. Призрак завыл, отзываясь на гнев хозяина, и Тьма полыхнула силой, но покорилась, ушла вниз, коснувшись темной травы.

Кайден позволил себе сделать вдох. И выдох.

Вот так. Медленно. Смиряя эмоции, которые грозили выплеснуться, и трава, чувствуя это, тянулась навстречу. Гремел листвою дуб, и чудилась в нем заветная песня.

Еще немного. Быстрее.

И еще быстрее. Пусть рвет болью мышцы, пусть выкручивает суставы, на пределе и за пределом, чтобы до последней капли силы, чтобы... легче стало дышать. И когда эмоции уйдут, разум возьмет свое.

Уже берет.

Ярость утихла, и лишь в ветвях дуба проклюнулись свежие листья, а терн в старой части парка и вовсе пойдет в рост. Этак он и до старого дома доберется. Впрочем, в доме давно никто не жил, хотя и продавать его отказывались с завидным упрямством, свойственным лишь роду человеческого.

Кайден позволил Тьме уйти за спину, поразив призрачного врага.

Она предпочла бы живого.

К примеру, того, кто помог исчезнуть каравану саларских купцов. И нагло, так нагло, что Кайден зарычал. Призрак задрожал, соглашаясь, что эти люди заслужили смерть, которая всенепременно достигнет их, но позже, когда Кайден поймет, как они это делают.

Про груз не знал даже управляющий. И все-таки...

Караван прибыл в Бристон третьего дня, чтобы, переночевав в таверне, выдвинуться на рассвете. Товары загрузили на повозки, как и охрану, и многоуважаемого Али ин-Исула, связанного с Кайденом клятвой верности и дружбы, и двух его сыновей.

Повозки вышли через северные ворота в седьмом часу утра. И исчезли, будто их и не было.

Клинки бессильно коснулись травы.

Кайден отомстит, но месть не вернет людей. И чувство вины было острым, что северный ветер. Кайден все-таки заставил сердце биться медленней и, выдохнув, замер. Клинки слегка дрожали в вытянутых руках, и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы держать их.

Просто держать.

Вот так, вдыхая сладковатый весенний воздух, насыщая им кровь, и выдыхая. Медленно. И еще медленней. Почти сроднившись с привычным местом, которое...

Перестало быть привычным.

Он не сразу понял, что в нем изменилось. Старое дерево? Нет, оно было прежним, от кончиков корней там, под землей, до последнего листа на вершине. Этот дуб помнил еще матушку Кайдена, а может, и ее благородных предков, которые оказались достаточно благоразумны, чтобы не вставать на пути влюбленной дочери. Они приняли и выбор ее, и дитя, чья кровь была слишком горячей, чтобы нашлось ему место в проклятых холмах.

Нет. Дуб помнил и самого Кайдена в первые дни его здесь. Как и терн, принесенный им ветвью отцовского куста.

Трава? Птицы?

Человек. Кайден медленно повернулся, удивляясь тому, насколько беспечен он был. Почему сразу не ощутил постороннего присутствия? Потому ли, что человек умел скрываться? Он потянул на себя силу и спрятался в ней.

Для чего?

Клинки ныли, нашептывая, что приличные люди не прячутся. И что тот, кто сидит в кустах, явно не желает добра. Иначе вышел бы. А стало быть, не грех пустить ему кровь. Всего каплю.

Кайден стиснул пальцы. Не хватало еще выпустить призрачных гончих. Нет, он найдет куда убрать тело, благо место нынешнее

ему прекрасно знакомо, но... убивать без веских доказательств вины нехорошо. Наставник точно не одобрил бы.

А потому Кайден сосредоточился на ощущениях.

Человек... определенно... маг, но какой-то неправильный, будто суть его заперта в клетке. Некрасиво, да... очень некрасиво и весьма болезненно. Кайден помнил время, когда его силу пытались смирить. И когда учили держать осанку. Второе доставляло куда больше неудобств.

Возможно ли, что, убив этого человека, Кайден окажет ему услугу? Нет, люди к подобному относятся иначе.

А еще человек был женщиной.

Теперь Кайден ощущал острый, пряный аромат ее тела. Так пахнут белые цветы полуночника, открываясь на призыв светила. Бледные по сути своей, они манят бабочек ароматом, а из сока их варят дурманящее зелье, капля которого способна подарить волшебные грезы, а две — отнять разум.

Ноздри его дрогнули. От человеческой женщины не могло так пахнуть. Не должно было.

Женщины... находили Кайдена привлекательным. Они не раз и не два делили с ним постель, некоторые требовали большего, хотя Кайден изначально предупреждал, что не собирается связывать себя бессмысленными узами. Но они не верили.

Обижались. Требовали подарков. Уходили. Возвращались. Ругались. Плакали. Были шумны и зачастую весьма надоедливы. В последние годы он пришел к выводу, что проще брать других, за деньги. Это избавляло от многих неудобств.

Кайден повернулся спиной.

Женщина прячется? Пускай. Опасности она не представляет. Возможно, что прячется она от кого-то? Если так, Кайден за ней присмотрит. Бабушка говорила, что женщины слабы и нуждаются в присмотре.

Она сидела не шевелясь, пока Кайден одевался. И каждое мгновение он ощущал на себе внимательный взгляд, который, странное дело, заставлял поторапливаться.

Убрав клинки, Кайден бросил последний взгляд на убежище странной женщины и сделал шаг в сторону. Он притворился, что уходит, но, скрывшись за старым камнем, повернул назад. И теперь использовал собственную силу, чтобы двигаться бесшумно.

Кайден обошел заросли малины с другой стороны аккуратно тогда, когда из них выбралась незнакомка. Он остановился в тени кривой ивы. Тонкие ветви ее надежно укрывали Кайдена, не мешая смотреть.

А смотреть было на что.

Женщина выбиралась задом, подобрав при этом юбки так, что видны были и бледные ножки, и края кружевных панталон. Очутившись на полянке, она поднялась, отряхнулась и сказала:

— Вот же ж... приключение, — добавив пару слов покрепче, из тех, которые женщинам знать не следует.

Незнакомка была хороша. Настолько хороша, что в это просто не верилось. Хрупкая. Воздушная. Какая-то невообразимо легкая и в то же время живая.

Ее аромат привязался к Кайдену, раздражая тем, что игнорировать его не получалось. Вот совсем. Он стоял и смотрел.

Вот она собирает травинки, прилипшие к платью. Хмурится. И золотые брови ненадолго сходятся над переносицей. Вот трогает пылающие щеки, и на них расцветают бледные пока веснушки. Она точно знает о веснушках, потому как сокрушенно качает головой. Человеческие каноны красоты требуют гладкой кожи.

Она и гладкая. Светится изнутри, словно мрамор. И этот свет манит. Прикоснуться бы. Проверить. Украсть толику тепла... и изучить ее черты. Этот аккуратный носик. Губы резные, которые она раздраженно покусывает. А еще оглядывается, явно гадая, далеко ли Кайден ушел.

Недалеко.

Но вот женщина коснулась нити на запястье и почти вдруг исчезла. Заклятие? Если так, то интересное, и весьма. Кайден прежде не встречал ничего подобного.

Но бояться ей нечего. Он уйдет. Потом.

Когда проводит женщину. А та, выбравшись на тропу, остановилась, прикусила губу и глаза прикрыла, явно раздумывая, как быть дальше. И, хмурая, была до того забавна, что Кайден не удержался от улыбки. Над головой женщины плясали искорки света, а в золотой косе ее запутались белые лепестки. Но вот она отряхнулась, словно избавляясь от наваждения, и решительно зашагала по тропе. К дому. Выходит, она в нем живет?

Когда появилась?

Прежде Кайден ее не встречал. Значит, не так давно. И как надолго? Хватит ли у него времени свести знакомство? От этого Кайден, пожалуй, не отказался бы. И пусть продлится оно недолго — он быстро утрачивал интерес к человеческим женщинам, что безмерно огорчало бабушку, все еще надеявшуюся, что однажды он женится и продолжит род, — но почему бы и нет?

Он умеет дарить радость. И всегда щедр. Ей понравится.

Кайден довел ее почти до самого сада, а затем, взобравшись на ветку, следил, как женщина исчезает в темной громадине дома.

Да, завтра он отправит визитку.

А сегодня — Дорба, пусть заглянет к соседям, узнает, кто это такая появилась. Кайден уже почти ушел, когда встревоженный писк овсянки заставил его замереть.

Рука сама потянулась к клинку. А тело напряглось, втискиваясь в слабую тень дерева. Следовало бы выбрать дуб, но у дома рос лишь один, и тот был далековато. Ясени же всегда отличались вздорным нравом. Но этот Кайдена принял.

Пичуга замолчала.

А следом и сверчки. Из кустов жимолости на тропу выбрался еще один человек. Мужчина. Возраст... непонятен. Но вид весьма характерный — что неприметная удобная одежда, что эта вот манера двигаться крадучись. И марево магии, окружавшее незнакомца.

Он и сам был магом. Сильным. Но силу свою прятал, что Кайдену категорически не понравилось, как и пара серебряных колючек, которые мужчина оставил на тропе.

Для кого подарок?

К дому человек приближаться не стал, а вот к ясеню подошел и, хлопнув по стволу рукой, произнес:

— А ничего так...

Кайден ощутил острое желание познакомиться с этим типом поближе. Он подобрался, прижался к ветке, почти решившись, когда в дальних кустах затрещала сорока, предупреждая, что гость не один.

— Нашел? — этот был постарше и пониже, но тоже маг, пусть и не такой яркий.

— А то...

— Отметил?

— Там.

— Тогда уходим, — говорил маг шепотом, и Кайдену пришлось свеситься с ветки, чтобы слышать.

Разговор ему понравился еще меньше, чем люди. Впрочем, стоило признать, что людей он в принципе недолюбливал. А наемников и подавно.

— Погоди... — молодой водил по стволу пальцем, оставляя на коре темные линии ожогов. — Ты видел эту лапочку?

— Видел.

— Ведь не обязательно, чтобы совсем... за нее неплохие деньги дадут.

Сомнений, что говорили они о золотоволосой незнакомке, не возникло.

— Тебе мало?

— Всегда мало.

— Дурак, — тот, который был старше, покачал головой. — Заказ нужно исполнить.

— Исполним, — молодой облизал губы. — Но ведь можно и по-всякому... Абиссинец будет благодарен... очень благодарен... он давно спрашивал чего-нибудь эдакого... на юге за блондиночек по весу взять можно.

Кайден свесился с ветки еще ниже и, вытащив клинок, позволил ему упасть. Зачарованный металл бесшумно рассек полог листвы, сбив пару зеленых ладоней наземь, и вошел аккурат в лысоватую макушку мага. Взревел беззвучно Призрак, получив наконец-то жертвенную душу, а Тьма рванула следом, требуя своего.

Второй был хорошим наемником. Опытным. Он успел развернуться. И руку вскинул, готовый спустить заклятие, но Кайден взмахом клинка лишил его этой руки. У него даже получилось сдержать призрачную гончую, которая завывала уже от обиды.

Позже. Сперва разговор.

Он легонько ударил мага по макушке, перетянул рану — не хватало еще, чтобы тот умер раньше времени, — и взвалил на плечо. Оглянулся на второго, который лежал тихо и смиренно. Хмыкнул.

Все-таки дед был кое в чем прав: Кайдену определенно не хватало выдержки. И внимания к деталям. Сбросив добычу на траву, Кайден обыскал мертвеца, став обладателем с полдюжины амулетов, причем весьма неплохих, сорока золотых соверенов и бляхи, которая тоже в хозяйстве пригодится. Рассовав добычу по карманам, Кайден взял тело за ноги и подтащил поближе к корням ясеня. Конечно, по-хорошему, мертвеца следовало бы убрать из сада, но это долго.

И двоих он не унесет, а значит, останется вероятность, что кто-то вдруг его обнаружит. Полицию вызовет. Дознавателей. Кайден, конечно, дело возьмет, но... вот не любил он двусмысленных ситуаций. Просто не любил. И, положив обе руки на израненную кору, позвал.

В первые мгновения ничего не произошло. И во вторые.

Ясени упрямы. А этот еще и оскорбленным себя чувствует. Как же, без должной почтительности... был бы Кайден истинным сыном Высокого народа, но ведь человеческой крови в нем больше, а суть и вовсе такова, что не нашлось ему места в Зеленых холмах.

Пускай.

Ему и в мире явном неплохо живется. А вот от помощи Кайден не откажется. И яшень дрогнул. Зашевелились корни, раздирая мягкую землю. Со стоном разошлась трава, и тело осталось лишь спихнуть в темную сырую ямину.

А затем земля сомкнулась. Холм, правда, получился. Но к вечеру, когда жадные корни, уже прораставшие в плоть, высосут из нее все соки, холм осядет. А через пару дней от мертвеца и вовсе останутся разве что кости, да и те...

Ясень зашелестел, уже благодарно. Деревья тоже бывают голодны.

Кайдэн поправил клинки, забросил все еще бессознательного мага на плечо и, насвистывая веселую песенку — настроение стремительно поднималось, — зашагал прочь от дома.

Сюда он вернется. Позже.

ГЛАВА 4

Платье Катарина все-таки испортила. И дело не в темных травяных пятнах, с ними магия справится, но вот рваная дыра на подоле — дело другое.

И когда она успела порвать? Где?

— Как погуляла, лапочка? — осведомилась мьесс Джио, которая устроилась на террасе.

Кресло-качалка, сигарета в длинном мундштуке, пепельница и мрачного вида тип в потрепанной ливрее, которому и выпала высокая честь эту пепельницу держать. Впрочем, судя по выражению лица, тип не до конца осознавал всю глубину оказанного ему доверия. Он время от времени морщился и даже порывался отступить, но тут же вздрагивал всем телом и выпрямлялся.

Мьесс Джио умела воспитывать слуг.

— Спасибо, чудесно, — Катарина присела на край стула.

Сделанный из гнутой лозы, некогда он был весьма изящен, но время превратило это изящество в откровенную хрупкость.

— А вы...

— Инспектируем-с, — мьесс Джио дотянулась до чашки с черным-черным чаем. — И думаем-с...

— Над чем?

— Над тем, что эту халупу проще снести, чем восстановить. Ты можешь быть свободен. Вздумаешь вновь нажраться, я тебя не то что без рекомендаций выставлю, но сделаю так, что и костей твоих не найдут. Ясно? — это мьесс Джио произнесла весьма дружелюбным тоном, который, впрочем, вряд ли мог ввести в заблуждение. — И вели подавать завтрак. Госпожа проголодалась. Ты ведь проголодалась, солнышко?

— Немного.

— Вот и отлично... у тебя веснушки.

— Да? — Катарина тронула скулы. Надо же, а она и забыла, насколько легко они высыпают. Следовало зонт взять... или нет?

Теперь она может позволить себе даже веснушки.

— Я мужчину видела, — сказала Катарина, пытаясь нащупать хоть одно пятнышко. Отца они раздражали, виделся в этих самых веснушках изъян, скрытый намек на дурную кровь, которой в высокому роду Годдард быть не могло.

Катарина верила. Крови быть не могло, зато вот веснушки имелись.

— В саду, — уточнила она. — Голого.

— Да? — мьесс Джио оживилась.

— Почти голого, — Катарина ощутила, что вновь краснеет. — Подштанники он снимать не стал.

— Это зря.

— Почему?

— Мужчина, который снимает все, кроме подштанников, априори подозрителен, — мьесс Джио выпустила тонкую струйку дыма.

— Он тренировался.

— С подштанниками?

— С парными клинками, — Катарина позволила себе улыбнуться. — И как мне кажется... я, конечно, не специалист по... боям...

— И мужчинам, — Джио все же не удержалась от укола.

— И мужчинам, — согласилась Катарина. — Но он был весьма хорош.

— В каком смысле?

— Во всех, — Катарина убрала руки от щек. Ей стоит научиться быть спокойнее. — А еще, кажется, он не человек... быть может, не совсем человек...

Она закрыла глаза.

Гибкая фигура. Светлые волосы, куда более светлые, чем у нее. Серебро? Пожалуй. Или все-таки благородная платина? Темная кожа. Шрамы узорами.

— Из Высокого народа.

— Вряд ли, — мьесс Джио отнеслась к случившемуся с необычайным для нее безразличием. — Альвы не слишком жалуют тварный мир. Им здесь неуютно. Скорее всего полукровка.

Катарина кивнула.

Она помнила альвов. Высокие фигуры, настолько нечеловеческие, что жуть брала. И главное, нельзя было сказать точно, что же именно с ними не так. Две руки. Две ноги. Бледная кожа, будто инеем подернутая. Черты лица почти привычные, те же нос

и глаза, что и у людей, пусть глаза и бледны, отчего и создается ощущение, будто дети короля Грез не способны видеть.

Видят они получше многих.

И слухом обладают тонким. И еще умеют улыбаться так, что становятся видны острые мелкие зубы. Они говорят чисто, но так, что поневоле начинаешь путаться в словах, искать скрытые смыслы.

Генрих альвов не жаловал. Боялся.

Пожалуй, только их, ибо даже с великанами, обретавшими на дальних берегах Зеленой земли, он держался куда свободней. А еще он надеялся, что альвы снизойдут и помогут.

Зря. Они никогда никому не помогали просто так. Генрих предлагал им плату, но, верно, они не сочли ее достойной. Или, быть может, все дело в той женщине, которая долго смотрела в глаза Катарины, а потом наклонилась и губами коснулась губ. Она вдохнула в Катарину холод. Отстранилась. И сказала:

— Так будет лучше.

Генрих очень разозлился. И естественно, на Катарину, будто это она была виновата. И в том, что альвы не знают протокола, и в том, что долго не получалось согреться, и, конечно, в том, что Катарина расплакалась от страха.

Ей было шестнадцать. Как давно ей было шестнадцать...

— И где, ты говоришь, его видела? — мьесс Джио точно знала, когда стоит говорить.

И сейчас Катарина поежилась, обнимая себя. Ветерок прохладный.

— Там...

— Завтра вместе пойдем.

— Зачем?

— Давно не видела достойных мужчин, — мьесс Джио стряхнула пепел и поднялась. — А теперь, дорогая, думаю, стоит выяснить, куда пропал наш завтрак. Да и вообще домом заняться.

Катарина послушно поднялась. Воспоминания вновь отбили всякий аппетит, а утренние силы иссякли, появилось знакомое желание лечь и не шевелиться, и лежать, лежать, насколько Катарины хватит. И может, заснуть, но так, чтобы без снов и как можно подольше.

— Идем, идем, дорогая, — мьесс Джио подхватила Катарину под руку. — Нам еще в город ехать... надо же эти развалины приводить в порядок.

— Надо ли?

— Опять умирать собралась? — тычок заставил поморщиться, но боль привычно отрезвила.

— Порой мне кажется, — призналась Катарина, — что я давно уже мертва.

— Кажется, — безапелляционно заявила мьесс. — Это только кажется. Ты же сегодня встретила мужчину. А поверь моему опыту, мертвым женщинам они неинтересны.

Пожалуй, что так.

Гостя Кайден сгрузил в подвале. Заботливо обобрал, пополнив коллекцию амулетов тройкой весьма качественных щитов и огненной плетью, которую встроили в кольцо. Надел кандалы. И блокирующий ошейник, ибо маги — народ подлый, только волю дай, всенепременно что-нибудь сломают. Он даже напоил бедолагу поддерживающим зельем, вспомнив, что люди куда более хрупки, чем кажутся. Не хватало еще, чтобы наемник ушел, не выдержав допроса.

— Вижу, хорошо прогулялся, — Дуглас спросонья был привычно мрачен. Короткие, изрядно сдобренные сединой волосы его торчали дыбом, а ленты защитных узоров на руках потемнели. — Это кто?

— Понятия не имею, — честно ответил Кайден, оттянув веко пленника.

Зрачок на свет реагировал плохо.

— Кайден! Помнишь, дедушка говорил, что нельзя просто хватать людей и... вот так... — Дугласу несколько недоставало искренности.

— Я не просто. Он соседку убить собирался.

Прозвучало жалко.

Вот ведь... сколько лет прошло, и Кайден давно уже хозяин этого дома и этого человека, а все одно оправдывается. И задница помнит розги, которые Дуглас, говоря по чести, использовал весьма редко и всегда по делу. Сейчас он просто покачал головой. И уточнил:

— Какую соседку?

— Новую, — Кайден похлопал пленника по щекам. — Красивую. В кустах сидела.

— Ага...

— Я не сразу ее заметил.

Дуглас поднял бровь.

— Но она не поняла, что все-таки заметил. Решил проводить.

— Хорошенькая?

Кайден кивнул.

— Благодная?

— Наверное. Не знаю. Красивая.

— Держись подальше.

— Почему?

На пощечины пленный реагировать не желал.

— Потому что ты с ней даже не знаком, а уже... тащишь в дом всякое, — Дуглас обошел мага и требовательно вытянул руку, в которую Кайден вложил добытую бляху.

Обе бляхи.

— Второй где?

— Закопался.

— Сам? — Дуглас бляхи выложил на стол.

— Почти... ясень помог.

Вот почему Кайден, несмотря на то что физически много сильнее обычного этого человека и давно уже превзошел его в воинском искусстве, все одно чувствует себя бестолочью.

— Помог, стало быть... но хоть закопался-то он надежно?

— Очень, — поспешил заверить Кайден. — Даже с лопатами не найдут. А копать там нечего... незачем... в общем, я подумал, что этот нам все и расскажет.

— Расскажет, — кивнул Дуглас. — Куда ж он теперь денется? Зря, что ли, тащил? Хотя, конечно, «абиссинские львы»... в нашем-то захолустье? — Он потер щетинистый подбородок.

«Львы»?

В человеческих наемниках Кайден разбирался не слишком хорошо. Ему они казались одинаково бесчестными, но о «львах» что-то такое слышал.

— Профессионалы своего дела, — Дуглас постучал краем бляхи по столу. — Их немного. И у нас они вне закона, да...

Хорошо.

Значит, если тот, первый, закопался не так глубоко, как хотелось бы Кайдену, точнее, если вдруг произойдет непредвиденное и тело отыщут, то особых неудобств сие обстоятельство не причинит.

— После того как участвовали в заговоре Сотни. Я, грешным делом, думал, что их всех перебили, но выходит, что нет. Интересно... очень интересно...

Дуглас потер подбородок и пнул пленника.

— Интересно даже не то, как их отыскивали... скорее, зачем? Эй ты, недоносок, поговорим? А ты, мальчик мой, иди и приведи себя в порядок.

— Зачем?

— Знакомиться пойдем, раз уж у нас тут такое... под боком.

— Спроси и про караван...

— Спрошу, спрошу, — Дуглас подтолкнул Кайдена к выходу из камеры. — Не переживай, обо всем спрошу. А тебе отдохнуть надо. Помыться... помнишь, мыться надо каждый день...

Помнит. Еще как помнит. Мыгтье Кайден ненавидел. Раньше. В том, ином, мире, который казался настоящим, тело не требовало такой заботы. Оно падало в мягкие мхи, и те очищали от грязи куда лучше воды.

Вода пугала. Она обжигала и парила. Воняла мылом. И давала клубы едкой пены, которая норовила забраться в глаза.

Кайден вздохнул. Надо будет написать письмо бабушке. Ей нравится получать письма. И деду тоже. Он куда более сдержан, но тоже беспокоится. Он приглашал Кайдена ко двору, говорил, что начинается время перемен и возможности открываются великопепные, что таланты Кайдена оценят...

Может, и вправду поехать? Потом?

Он открыл краны и подставил руки под струи воды. Горячая. И холодная. От воды теперь пахнет только водой, а от ванны — камнем. Она огромна и сделана по его заказу. Кто бы мог подумать, что дикарь из-под холмов полюбит воду?

Она разбивалась о руки, и брызги ложились на края ванны удивительным узором.

Кайден вздохнул. И поднялся.

Вышел, позволив ванне наполняться. Разделся. Вспомнил ту женщину, которая... с которой он сегодня познакомится и узнает ее имя. Заглянет в глаза. Кайдену хотелось знать, какого они цвета. А еще пересчитать веснушки. Если, конечно, она от них не избавится.

Почему-то человеческие женщины старательно боролись с солнцем. Глупые.

Клинки он вернул на подставку и задумался. Пропавший караван? Незнакомка? Наемники? Совпадение? В подобные совпадения не слишком-то верилось. Но Кайден сказал себе не спешить. Если наемник что-то знал, то Дуглас это выяснит.

Как-то у него ловчее получалось с людьми говорить. Определенно.

К обеду Дуглас не вышел, но появился к пятичасовому чаю, который в доме подавали, хотя Кайден так и не смог понять, почему чай нужно пить именно в это время, а не часом позже или раньше.

— Знаешь, что интересно? — Дуглас успел принять ванну, и на седых волосах его блестели капли воды. А от самого тянуло гарью. Запах этот будет держаться долго, его не перебьют ни резковатая вонь темного мыла, которому отдавал предпочтение Дуглас, ни виски с сигарами.

— Что?

Чай накрывали в чайной гостиной, где давно уж требовался ремонт, но Кайден сам не решался, зная, сколь специфичным вкусом обладает и что бабушке, вздумай она вернуться, результат совершенно точно придется не по вкусу. А потому слуги следили за чистотой, полировали серебро, натирали до блеска каминные решетки и старались не замечать, что старые обои совсем уж выцвели, а полировка стола давно помутнела. Шторы провисли. И осыпалась в дальнем углу лепнина.

Кайден поднял чашку из парадного сервиза, поднес к носу и понюхал. К чаю он был равнодушен, но хороший лист ценить умел.

Нынешний был неплох. И стало быть, новый управляющий пока старается отбирать действительно первоклассный товар.

— Что этот тип и вправду знал довольно много интересного. — А вот Дуглас предпочитал чай традиционный, разводя им молоко и добавляя каплю гречишного меда. — Не столько о делах наших, сколько в целом, да...

В целом мир Кайдена волновал мало.

— Прибыли они сюда еще на прошлой неделе, когда, собственно, и поступил заказ, — Дуглас взял с блюда крохотное пирожное и отправил в рот, зажмурился, наслаждаясь вкусом. Сладкое он любил и любви этой не скрывал. — А вот дамочка наша приехала лишь вчера, чем заставила парней понервничать.

— Кто она?

— Вдова мелкого дворянчика, которой свезло получить наследство. Во всяком случае, они в этом уверены.

— Не ты?

— Как давно ты пытаешься купить дом?

— Лет десять как... — Кайден почесал кончик носа.

— И что тебе отвечали?

— Да... разное, — он пожал плечами. Причины отказа были нелепы, но дом этот не настолько был нужен Кайдену, чтобы докапываться до правды. Так, вспоминалось иногда, что поместье бы неплохо расширить. Да и сад там задичал должным образом, чтобы Кайден чувствовал себя в нем спокойно.

— Прежняя его хозяйка как раз десять лет назад и преставилась. Ты же ее помнишь?

Кайден кивнул.

— И дочь ее помнить должен... ты с ее сыновьями частенько дрался, да... на редкость неприятная особа.

И снова Кайден согласился.

— Такая не упустила бы наследства, но дом стоял. И хозяйка появилась-таки. Сейчас, — Дуглас перебирал кусочки засахаренных фруктов. — И конечно, может статься, что все это время на-

следники пытались договориться, случалось тяжбам идти и куда дальше, но...

— Ты не веришь?

— Не знаю пока... не знаю... познакомиться надо бы.

— Я отправил визитную карточку.

— Молодец, — кивнул Дуглас, который немало гордился сдержанностью своего ученика. Повзрослел, стало быть. Лет десять назад он бы просто проводил красавицу до спальни, где и продолжил бы знакомство. Что ж, леди Гленстон будет весьма довольна. А уж если он женится...

Правда, от этой мысли Дуглас отмахнулся как от совершенно невозможной. В отличие от леди Гленстон с ее надеждой получить внуков он явно отдавал себе отчет, что нет существа менее приспособленного к тихой семейной жизни, чем Кайден.

— Но ждать две недели, когда оно прилично станет? — Кайден одним глотком осушил чашку и аккуратно опустил ее на блюдце.

— Ты прав, в этом смысла нет. Нужен повод. Веский повод познакомиться... я прогуляюсь.

— А я?

— А ты внизу уберешься.

Кайден скривился, но возражать не стал. И вправду взрослеет...

— Еще что?

— Заказ был четкий. Устранить. Но так, чтобы походило на несчастный случай. Более того, сходство должно быть таким, что, если вдруг случится расследование, ни у кого не возникло бы сомнений, что произошел именно несчастный случай. Или на худой конец самоубийство.

Кайден поерзал:

— А кто?

— Заказчик неизвестен. Распоряжение пришло от главы гильдии, а он, сам понимаешь, не распространялся. Но награду обещали немалую. В числе прочего — снятие запрета на работу гильдии в Британии.

Действительно интересно. Деньги деньгами, а подобные обязательства не всякому под силу исполнить.

— Враги у этой твоей девоньки высоко сидят. Напиши бабушке, поинтересуйся.

— Чем?

— Всем, — Дуглас облизал пальцы. — Что интересного произошло в последние... скажем, полгода... нового, необычного. Может, слухи какие пошли.

Кайден кивнул:

— А караван?

— А вот с ним они и прибыли.

— То есть?

Дуглас вытер руки салфеткой:

— Нанялись в охрану, благо люди опытные, с рекомендациями.

Как понимаешь, гильдейские бляхи они не светили, а в остальном — отчего бы и нет? Охрану-то наш друг расширял, опасался... чувал ли? Неважно. Главное, что договор был до Бристона. И был исполнен. Их уговаривали остаться, и в любом другом случае они бы согласились, но заказ имелся. И глава гильдии весьма настаивал, чтобы исполнили его как можно быстрее. И чище.

Пальцы Дугласа затарабанили по краю стола.

— Так что... надо решить, будем ли мы в это дело вмешиваться.

А вот теперь Кайден нахмурился.

— Погоди, — Дуглас поднял руки. — Подумай. Дамочка явно непростая. И избавиться от нее хотят люди серьезные, раз уж на таких умельцев не поспешили. А подобные люди привыкли добиваться желаемого.

Кайден мотнул головой. Убивать женщин нехорошо. Куда хуже, чем убивать мужчин.

— Они не любят, когда кто-то нарушает их планы. Нужен тебе такой враг? — Дуглас сказал и поморщился, вот не стоило говорить о врагах.

Ишь, глаза заблестели. Кайден даже вперед подался, стол толкнул, и тонкий фарфор жалобно зазвенел, предупреждая, что не привык к подобному обращению.

— Нужен.

Врагов мальчишке не хватало.

Не считать же всерьез врагами местное отребье, которое давным-давно усвоило, что с городом и королевским дознавателем в оном городе им категорически не повезло.

Дуглас вздохнул и спросил:

— А караван?

— И караван нужен, — Кайден поднялся. — Караван я найду. Завтра... только...

Он задумался ненадолго, дернул головой, словно отгоняя невидимую муху, и поинтересовался:

— А он там совсем умер?

— Нет, самую малость, — Дуглас налил еще чаю, ибо чашки были, безусловно, прекрасны, но в то же время отвратительно мелки. Два глотка сделаешь, и уже дно показалось.

А подопечный застыл у окна, вперив взгляд куда-то в дебри сада, который задичал куда больше, чем хотелось бы прекрасной

леди Гленстон, но все же не превратился в заросли, милые сердцу Кайдена.

Надо было забор поставить. Высокий.

Глядишь, и не полез бы к соседям, и не вляпался бы в чужие проблемы, которые уже вполне искренне полагал собственными. Как же славному воину — и без достойного врага.

Дуглас издал еще один вздох. Не сидится дома... Чтоб ему.

ГЛАВА 5

Устроившись в уголке с вышивкой, которую она взяла исключительно, чтобы скрыть трясущиеся руки, Катарина наблюдала за мьесс Джио и представлением, ею устроенным.

— И вы, милейший, полагаете, что справитесь? — мьесс Джио устроилась на софе. Перед ней переминался с ноги на ногу молодой маг.

Рекомендации его мьесс Джио держала в вытянутой руке, изредка поглядывая то на них, то на мага, и на лице ее было написано сомнение.

Маг и вправду выглядел чересчур уж молодым.

Он нацепил очки, стараясь казаться старше. Гладко зачесал волосы. Отрастил жиденькие усы, которые слегка подкрашивал. И теперь Катарина не могла отделаться от ощущения, что он сам, целиком, фальшив.

— Я лучший специалист в городе! — он покосился на Катарину и грудь выпятил.

— Тогда мне искренне жаль этот город. — Мьесс Джио свернула рекомендации трубочкой. — Но я дам вам шанс. Для начала пройдитесь, взгляните. Работы предстоит много...

В доме кипела жизнь. Катарина не знала, откуда взялись все эти люди. Женщины с ведрами и тряпками. Суетливые мужчины, что двигали лестницы и спешили забраться к потолку, откуда срывали паутину и сбивали пыль. Мальчишки-трубочисты. Старухи, что занялись сундуками.

Маг вскинул руки. Картинный жест. И сеть, конечно, он плетет весьма умело, Катарина оценила. Заодно и отметила, что силой его боги не обделили, может, оттого он и рисуется? Сама Катарина не стала бы использовать столь энергоемкое заклятие.

Можно ведь и проще. Пройтись по комнатам, наполнить силой русла старых заклятий, посмотреть, где идет сбой. Составить карту. А он стоит, запрокинув голову, пытаясь удержать растущую сеть, которая распускается причудливым цветком.

— Дурень, — ласково произнесла мьесс Джио и отмахнулась от экономки, которая к утру то ли подобрела, то ли поумнела и теперь старалась держаться подле новых хозяев. — Не удержит.

— А если справится? — Катарина потрогала иглу.

Вышивать она не любила. Но разве есть иное, более достойное королевы занятие? Разве что гобелены ткать, но ткать Катарина не любила еще больше.

— Не-а... смотри, разлом наметился.

Нити едва-едва истончились, и лишь весьма опытный глаз мог бы заметить неравномерность наполнения их силой. А маг? Почует ли? Нет, он слишком увлечен. И силы много.

Слишком уж много... почему он бытовиком стать решил? Ему среди боевых магов самое место. Это ведь куда более почетно. И воевать даже не обязательно. Нынче модно иметь при свите боевика. А он в этом захолустье? Случайно ли?

Трещина расширялась. Некоторые нити истончились настолько, что готовы были погаснуть. И только теперь маг спохватился, обратил внимание на центр, чем сразу воспользовались края. Сила пошла в южный угол, а восточный погас.

И заклятие рассыпалось.

А маг выругался. Очень тихо. Покосился на мьесс Джио, на Катарину... откашлялся.

— Что ж... дом большой... очень большой и в состоянии пребывает не самом лучшем.

— Мы это заметили, мальчик.

— Фундамент стоит укрепить, особенно в западном крыле, там родники слегка подмыли. Пока еще он держится, но если ничего не делать, то лет через пару просядет, а значит, по стенам трещины пойдут. Они, к слову, во вполне приличном состоянии. Из парадных колонн стоит укрепить две, там внутренняя нестабильность ощущается...

А может, и хорошо, что в боевики не пошел. Боевиков нынче много, а толкового бытовика попробуй отыщи. И им с мьесс Джио, кажется, повезло.

— Русла старых заклятий сохранились. Раньше их пробивали в камне, а потом уже сверху закрывали или штукатуркой, или панелями. Слои придется снять, кое-где все равно забились, но это легко. Я бы предложил, если решитесь вскрывать, полностью переделать систему. Очень уж она громоздка и энергоемка.

Маг взмахнул руками, избавляясь от остатков паутины.

— С новой в доме будет и теплее, и меньше шансов, что где-то случится сбой. Конечно, можно положить и поверху, но,

поверьте моему опыту, это ненадежно. И всегда остается вероятность, что близость двух каналов, старого и нового, приведет к конфликту.

Мьесс Джио кивнула. И губами причмокнула. От звука этого маг едва заметно дернулся, но устоял.

— С водой сложнее. Некоторые трубы необходимо менять.

— А срastить?

— Энергоемко.

— Сила у вас имеется.

— Затратно, — маг поморщился, и Катарина его понимала.

Заклятия восстановления требовали не просто силы, но и умения этой силой управлять.

— У нас есть чем заплатить.

Маг вздохнул, почесал шею:

— Я подумаю... возможно, найдется другой путь... если стены все одно вскрывать.

— Вскрывать — это да, но не ломать же...

— Госпожа, — позвали Катарину шепотом. — Госпожа, вы позволите...

При дневном свете экономка не казалась такой уж старой. Да, женщина в возрасте, но еще крепкая, полная сил.

И недовольная. Тем ли, что приезд хозяев нарушил привычное бытие? Или напором Джио?

— Вы позволите, госпожа? Вас спрашивают...

— Кто? — поинтересовалась Джио, жестом велел магу замолчать. И тот подчинился.

— Так... сосед наш... — темные глаза экономки блеснули. — Очень достойный человек. Утром еще визитку прислали.

Сосед?

Уж не тот ли... Катарина, выронив вышивку, коснулась щек. Нет. Быть того не может... и даже если может, то... то ее он не заметил. Конечно. И надо просто...

— Вот что, юноша, — мьесс Джио обернулась к магу. — Вы все же тут ходите, осмотритесь. Жить будете здесь, нечего зря время на дорогу тратить.

Маг кивнул.

И... обрадовался? Определенно. Работе ли? Или... нельзя быть настолько подозрительной.

— А вечером мы с вами сядем и подробненько все обсудим. Катарина, девочка моя, составишь компанию тетушке? Или к себе подняться хочешь?

Катарина хотела. Очень.

В ее комнатухе тишина и покой, и окна выходят в сад. И можно сидеть, тыкать иголкой в ткань... нет уж, хватит с нее закрытых комнат и запертых дверей.

Катарина поднялась. И руку мьесс Джио приняла.

А та одобрительно кивнула:

— Правильно. Соседей, как и врагов, в лицо знать надо.

Этот был... не тем... определенно не тем... пожалуй, даже ниже мьесс Джио, которая не отличалась особой статью, что не мешало ей посматривать на мужчин свысока. И этого она разглядывала с немалым интересом.

В возрасте. Возможно, старше Генриха, хотя и ненамного. Стройней. Суше. И... аккуратней? Пожалуй что.

— Добрый день, — он отвесил поклон, на который мьесс Джио ответила кивком.

Черты лица резковаты. И нос огромен. Он приковывает все внимание, этот нос, своим неровным изгибом, вывернутыми ноздрями и красным пятнышком свежего ожога.

— Добрый, — Катарина присела, как принято.

— Прошу прощения за вольность, — гостю шел темно-синий дублет, напрочь лишенный серебра и золота, но меж тем сшитый из плотной ткани. — Мы не были представлены, однако...

Голос с хрипотцой.

И взгляд внимательный. Катарина привыкла, что ее разглядывают, но все одно ощущала себя... неудобно. Пожалуй. Появилось такое знакомое желание спрятаться за мьесс Джио, благо та держала Катарину под руку. Поняла? Или просто привыкла, что в последние годы ее подопечная стала совсем уж беспомощна?

— Мы всегда рады гостям, — собственный голос Джио обволакивает, и это тоже магия, родовая, почти забытая. — Но к сожалению, оказалось, что дом этот...

Они смотрели друг на друга, эти двое. И говорили. Обменивались ничего не значащими словами, но прощупывали один одного взглядами. Примерялись. К чему? И для чего?

— ...Как только мы приведем его в порядок... двум слабым женщинам... да что вы говорите?! Какой кошмар... мы ничего не слышали, правда, мы прибыли вчера ночью, поздно, да еще и тот бездельник, который должен был нас встретить...

Катарина вдруг остро ощутила, как наползают стены дома, старые, покрытые трещинами, но готовые сомкнуться и раздавить ее. Как трещит потолок и пол подрагивает. Еще немного — и...

Дышать. Вдох. И выдох...

— Простите, — ледяные пальцы Джио сжимают руку, причиняя боль. — Моя племянница еще не совсем оправилась после болезни...

Оправилась. И страх этот иррационален. Катарина сумеет. Катарина... дышит. Снова дышит. И видит, что стены стоят на своих местах, а на полу уже виден рисунок мрамора. И солнце светит в окна. Солнца так много, что фигура гостя кажется размытой. И Катарине приходится щуриться.

— Конечно, конечно... прошу прощения... но, возможно...

Голос доносится издалека. А в висках стучит кровь. И звук этот нарастает, почти заглушая слова, хотя Катарине нужно услышать.

— ...Будем рады принимать... просто по-соседски... если что-то нужно... будем рады оказать любую помощь...

Ей бы до комнаты добраться. Добралась. Катарина не помнила как, но добралась.

— Все, девочка, все уже... — Джио помогла забраться в постель и туфли стянула, накрыла одеялом, села рядом и взяла за руку. — Тип, конечно, преподозрительный, но нечеловеческой крови в нем нет.

— Это не тот.

Говорить получалось очень медленно. Зато Катарина заставила себя дышать. Если повезет, приступ скоро закончится, а нет... подумай, пару дней в постели. Здесь хотя бы никто не станет лить в нее силу, потому что королева не имеет права на слабость.

Королева, может, и не имеет. А вот Катарина заслужила.

— Не тот? Ничего. Завтра покажешь мне того.

— А если он больше не придет?

— Значит, мы просто прогуляемся...

Тело Кайдена спрятал хорошо, впрочем, в этих умениях подопечного Дуглас не сомневался. Но все одно проверил порядка ради. А то ведь мало ли что, неудобно получится, если Кайдену поручат это дело расследовать.

Очень неудобно.

Хотя и не с точки зрения Кайдена. Дуглас потопал ногой, проверяя прочность грунта. Трава была плотной и чересчур уж зеленой, а из холмика выстрелила пара веток, на которых уже распустились клейкие молодые листочки.

Завтра совсем хорошо затянет.

Дуглас обошел место по кругу и, присев у травы, хмыкнул. Вот же... мастера... вытащив из кармана платок, Дуглас аккуратно поднял серебряного ежа, в котором свернулось тугое заклятие. Второго он подобрал чуть дальше. У пруда отыскалась еще парочка.

И один — в полуразвалившейся беседке, которая показалась наемникам достаточно романтической, чтобы в нее заглянула одинокая скучающая дама.

Да уж... не знал бы, где искать, вовек не нашел бы.

Дуглас сунул кошель за пояс и обернулся. Бледная громадина дома возвышалась над садом. Окна были темны, да и сам дом гляделся неживым.

Девочка, конечно, хороша, но явно нездорова. А ведь Кайден такие вещи чувствует — природный дар. Но он о болезни и словом не обмолвился.

Может... Нет, спрашивать Дуглас умел, хотя и умение это не доставляло ему удовольствия. В дом наемники не совались... Интересно. И вправду интересно.

Он пересек границу, разделяющую два сада. Некогда на ней стояла стена, но ныне от нее осталась лишь узкая полоска фундамента. Приказать, чтобы восстановили? Поздно. Стена Кайдена не остановит, сколь бы высокой она ни была.

Подопечный сидел на огромном валуне, под которым виднелся вполне себе свежий травяной холм. В траве проклюнулись белые пятна маргариток, да и в целом поляна выглядела так, что хоть картину пиши.

— Вот, — Дуглас вытащил мешок.

— Ты ее видел? — Кайден соскользнул с камня. Пряткий, что ящерка, и опасный, как гадюка.

— Видел, — дразнить подопечного Дуглас не стал. — Она больна?

— Чем?

— А я откуда знаю. Я у тебя спрашиваю. Она больная была? Утром?

Кайден задумался, что хорошо, ибо полезная эта привычка появилась у него не так чтобы давно. Но думал недолго и головой покачал:

— Болезни в ней я не почувствовал. А что...

— Да вот, — рядом с валуном имелась и лавка, низенькая, старая, почти заросшая ныне мхом и лишайником, но все одно пригодная для сидения. — Не знаю... странное такое ощущение... молодая вдова и тетушка ее. Вот в то, что тетушка эта могла суд выиграть, я охотно верю. А твоя красавица... красавица, и только. Стоит. Молчит. Потом вообще едва не сомлела.

Кайден фыркнул. И оскорбился. Правда, ненадолго, он обошел лавку с другой стороны и, опершись на нее руками, спросил:

— Ты их...

— Пригласил. Но не факт, что приглашение примут.

Он вытащил из кармана кошель.

— А вот тетушка эта — маг, и не из последних. Она, конечно, амулетиком прикрылась, но уж больно характерные преломления он дает.

— Имя?

— Тетушки? Джио... Джио, Джио... что-то знакомое вот вертится...

Кайден надулся и зафырчал, аккурат что кот лесной.

— Племянницу Катариной звать... да... вдова... но я уже говорил или нет? И в ней сила имеется, но какая-то странная, будто закрытая, что ли? Не связывался бы ты с нею. Чувствую, проблем не оберемся.

Предупреждение запоздало. Определенно.

Кайден насупил и челюсть выдвинул, всем видом показывая, что сам уже взрослый и проблемами его не испугаешь. А стало быть, от девицы он не отстанет. Во всяком случае, пока не получит своего. Дуглас лишь надеялся, что много времени осада не займет, а там... интерес к завоеванным девицам Кайден терял довольно-таки быстро.

И эта не станет исключением.

ГЛАВА 6

Как ни странно, спала Катарина хорошо.

За весьма короткий срок Джио сумела привести в порядок если не дом, то хотя бы их комнаты, разделенные тонкой дверью, которую она — Катарина знала точно — на ночь распахнет и подопрет стулом. На всякий случай. Джио лично выпроводила горничных и повесила на дверь заклятие. И еще пару добавила на окна, плотно затянутые плющом. Катарина искренне сомневалась, что кто-то сумеет пробраться сквозь влажную и темную эту завесу, но с Джио не спорила. Бесполезно.

Та же разожгла в камине огонь, фыркнула, пробормотав:

— А трубы толком и не почистили.

После чего устроилась в кресле, вытянув длинные ноги.

— И как тебе свобода? — Джио вытащила мешочек с табаком, трубку, которую покругила в пальцах и убрала. Она знала, что запах табака Катарине неприятен. Правда, не всегда обращала на это внимание.

— Не знаю, — Катарина обняла себя. — Мне думалось, что будет легче, а оно как-то...

— Сразу не будет, — Джио уперлась ногами, и кресло поддалось.

Старое, с потемневшими полозьями, оно доживало свой век где-нибудь на чердаке, пока не попало на глаза Джио.

— Я понимаю, но все же... не знаю... я думала, что уеду и все останется там...

Оно и осталось.

Роскошные наряды, которые занимали несколько комнат. Нижние рубашки из тончайшего батиста. Или вот шелковые, хотя Генрих шелк недолюбливал, полагая его скользким. Кружева и ленты. Украшения, слишком приметные, чтобы взять их с собой. Интересно, их передадут отцу или же в казну отправят? Второе куда как более вероятно, но Катарина знала, что и отец не позволит себя обделить.

— Читала? — Джио вытащила из-под задницы газету.

— Нет.

Газет Катарина избегала. Правды в них не писали, а лжи и без того хватало в той ее жизни.

— И зря... вот послушай, — Джио прочистила горло. — Как стало известно... так, это ерунда, это вообще бред сивой кобылы... снизошла милость... вдовствующая королева... ага... приняла решение удалиться... нашла приют под сенью монастыря Всех Дев Скорбящих.

Катарина поморщилась. Ей случалось бывать в этом месте, ибо королеве набожность к лицу.

Серые стены. Серые башни. Серые ворота, перетянутые толстенными полосами металла. Они отворяются беззвучно, но Катарине все одно слышится протяжный скрип. Серый двор. И женщины в одинаковых серых платьях. Их лица скрыты за вуалями, а на волосах лежат тяжелые платки. И лишь руки у всех разные, и потому Катарина смотрит на эти руки, пытаясь угадать, кому они принадлежат.

Скорбящие девы безымянны. И лишены права голоса.

Катарину передернуло, но совесть зашептала, что та женщина сама хотела удалиться от света, что видела она все иначе, что там, под сенью монастырских стен, она обретет свое счастье. А Катарина, она постарается прижиться здесь.

— Ага... еще пишут, что твой батюшка, чтоб ему икалось, пожертвовал монастырю двадцать тысяч золотых соверенов. На благоустройство.

Катарина поежилась.

Стены монастыря больше не казались столь уж надежными. А что, если... деньги у отца были всегда. Много денег... так много денег, что Катарина искренне не понимала, зачем столько. Но ему

всегда было мало что денег, что власти, а ее непонимание он считал явственным свидетельством того факта, что женщины глупы.

— Думаешь, ползет? — Джио перевернула страницу.

— Уверена.

Попытается — это точно. Монастырь — не тюрьма, во всяком случае, для большинства тех, кто в нем обитает. Уйти можно легко.

Катарина вздохнула.

Разыграть смерть было бы куда как надежней, но отец потребовал бы выдать тело. А там достаточно сравнить кровь, и станет очевидно, что смерть фальшивая.

Монастырь же...

Катарина знала, что в этот день обитель приняла две дюжины скорбящих дев. Праздник же. Она ждала этого праздника, как никогда прежде, дни до него считая и притворяясь, что все идет как обычно. Она была мила и послушна. Она улыбалась нужным людям и обещала отцу повоздействовать на Джона, чтобы другие нужные люди заняли нужные же им места при дворе.

Две дюжины женщин, которые отреклись от своего имени и прошлого. Которые надели маски, а после и вуали. Они сразу затерялись среди двух тысяч монахинь, что уже проживали в обители. Достаточно ли этого, чтобы осложнить поиски?

Вполне. Но вот чтобы остановить...

— Замуж тебе надо, — сказала Джио, которая знала мысли Катаринины так, будто бы были они ее собственными.

— За кого?

— А это не так уж важно. Нет, хорошо бы найти кого родовитого и сильного, но сойдет и слабый.

— Но родовитый?

— С купцом, пожалуй, будет сложнее, но тоже сойдется на худой конец.

Замуж Катарина не хотела. Никак.

Но и смысл в словах Джио имелся. Вдова, не имеющая детей, возвращается в дом отцовский. Старый закон. Древний обычай. И то, что Катарине позволена была малая иллюзия свободы... Джон не станет вмешиваться. У него не так много власти, а отец силен и нужен.

И Катарине ли не знать, что Джон заплатит за этот союз.

А их дружба... да какая там дружба? Пара встреч. Общие воспоминания и страх, что роднит паче крови.

— Муж отца не остановит... с мужьями порой случается... всякое, — Катарина вытащила из-под кровати тяжелый сундук. — Если он меня найдет, придется снова бежать... и снова...

— И всю жизнь бегать собираешься?

Катарина пожала плечами. Как получится. Может статься, что жизнь эта будет не такой уж и долгой.

Джио смотрела задумчиво, но говорить ничего не говорила, потом и вовсе спряталась за газетой, будто бы и вправду были ей интересны те пустые новости.

Катарина же открыла сундук. Ее сокровища. Аметисты. И пара крупных опалов. Россыпь изумрудов. Сапфиры — хороши для водной стихии. Жемчуг речной и морской... надо будет сделать себе амулет, чтобы волосы не путались.

Хотя... Катарина же обрезать собиралась?

Толстый кусок нефрита, слишком большой и неровный, но удивительного белого цвета, словно молоко застыло.

Металлы.

Тигели. Молоточки. Тонкий инструмент. Лупы и разборный столик. Ее альбом с узорами, заполненный едва ли на треть. Катарина вытащила ее и раскрыла. Провела ладонью по шершавым листам.

Отцу ее увлечение артефактами никогда не нравилось. В глазах его это вновь же добавляло Катарине несовершенства, но вот Генрих, удивительное дело, не имел ничего против. Более того, он приказал оборудовать мастерскую.

Под нее отдали комнату, в которой седьмая королева ткала гобелены, а затем, когда Катарина отправилась в Королевскую башню, в ней появились холсты и краски.

Та, что хотела стать девятой, любила живопись.

Катарина провела пальцем по завитку. Как там дальше было? Закрывать глаза. Вздохнуть. И представить узор, который она вырисовывала раз за разом, пытаясь разгадать его смысл.

— Собираешься повторить королевские артефакты?

— Собираюсь улучшить, — Катарина пересела за столик, на котором полагалось писать письма. Только кому? — На самом деле они не столь совершенны, как принято считать. Да, силы в них немало. Пожалуй, даже слишком много.

Катарина поморщилась, вспоминая, каково это — пропускать сквозь себя гудящие потоки, слишком мощные, слишком яростные, слишком...

Было больно. Сперва. Потом она более-менее привыкла и научилась отделять себя от этой боли.

— Даже так? — Джио плевать было на артефакты.

— Когда они были сделаны? Пять сотен лет тому? Конечно, накопители в них стоят мощнейшие, но вот все остальное... магическая наука не стоит на месте, — Катарина развернула альбом. — Смотри, вот эта связка... — ее палец прошелся по

боковому элементу, который, по замыслу создателя, уравновешивал четыре центральных, — ...содержит двадцать три руны, что очень много. Сейчас доказано, что нецелесообразно использовать сочетания, в которых более дюжины рун, — об артефактах думать легко.

Будь она мужчиной, она бы отправилась учиться.

Быть может, в Саббон, что стоит на берегу Римской реки, а может, и в Рим. Отец отправил брата туда, хотя тот учиться не желал. Но кто спорит с отцом?

— Взаимодействие двух или даже трех рун просчитать легко. Когда рун четыре или пять, уже сложнее. Возникают связи второго порядка, которые тоже приходится учитывать. Когда рун около десяти, требуется принимать во внимание и связи третьего порядка... именно поэтому дюжина считается критическим числом, поскольку большее количество рун приводит к возникновению не только новых тонких связей, но и целых рунных блоков, которые, в свою очередь, дестабилизируют структуру.

Джио умела слушать. Всегда.

Помнится, первое время Катарина ее боялась. И терялась в ее присутствии. Впрочем, в первое время она терялась постоянно, а Джио ждала. Джио умела держаться рядом, но будто бы в стороне.

— Раньше учитывались только первичные связи, и с этой точки зрения структура близка к совершенству, но если посмотреть иначе... — Катарина провела пальцем, разделив рунный блок на три части. — Огромное количество энергии тратится на то, чтобы удержать саму структуру, не позволить ей развалиться. Что-то рассеивается, а уж остатки уходят на выполнение непосредственной функции. И так во всем.

— Тебе стоило родиться мужчиной.

— Я знаю, — Катарина вздохнула и закрыла альбом. Завтра. Она возьмется за него завтра. Или послезавтра.

Джио отвернулась. Она знала, что рисунок этот Катарина сделала еще в Королевской башне. С тех пор прошло шесть лет.

Катарина просто устала. Ей нужно отдохнуть.

— Что ж, дорогая, — Джио поднялась. — Пожалуй, пойду я спать... и тебе советую. Завтра ранний подъем. Надо же взглянуть на этого твоего... героя.

Она ушла. И дверь прикрыла, позволив Катарине поверить, что она осталась одна. Потом, позже, когда Катарина уснет, Джио дверь откроет, чтобы слышать.

И пускай. Так даже спокойнее.

Катарина вновь открыла альбом. Руны и руны, сплетшиеся в рисунке. Раньше считалось, что мастер должен создавать вещи

не только функциональные, но и красивые. Порой доходило до нелепого, как вот здесь: пять рун добавили лишь для того, чтобы не нарушать узора.

Королевские олени.

Розы.

И гончие псы Слепой жницы, о которой должен помнить всяк — что король, что нищий. Король помнил. Генрих боялся смерти, и с каждым годом все сильней. Он прятал этот страх, а тот прорывался, перерождался, нашептывая, что все-то вокруг ждут и не дождутся, когда же его, Генриха, не станет. Страх плодил разговоры и заговорщиков, заставляя искать злой умысел в самых, казалось бы, обыкновенных вещах.

Кто погасил кристаллы? Кто подвинул королевское кресло слишком близко к камину? Кто смотрит вслед или смеется, поглядывая на короля? Кто смеет говорить, что этот король слишком стар и толст... кто...

Катарина решительно захлопнула альбом.

Не сегодня. И вправду стоит отдохнуть, ибо с Джио станется поднять ее на рассвете. А Катарина даже не уверена, что найдет малинник, а если найдет... кто сказал, что тот мужчина появится? Да и... это ведь совершенно неприлично! Непристойно!

Сидеть в кустах, ожидая... Катарина вдруг хихикнула. И зажала рот руками, представив, как бы отреагировал отец, узнай он... А потом смех исчез.

Как... он умел воспитывать непокорных детей. И не только словом.

Газету, оставленную Джио, Катарина все-таки взяла. И забралась в постель, на сей раз теплую и мягкую. Перины перетряхнули, одеяло подсушили, сменили постельное белье... Хорошо.

Катарина развернула газету.

И вздохнула, поняв, почему та осталась лежать на кресле. Джон женится... нет, она знала, что он должен будет. Совет настаивал, а Джон тянул, и в этой его медлительности многим виделся намек на их несуществующую связь.

А теперь он женится. На Маргарет.

Отец будет доволен. А Катарина... она смотрела на портрет сестры и думала, что, если бы захотела, могла бы оказаться на ее месте. И была бы свадьба.

Корона на ее голове.

Джон... он ведь красив. И добр. Умен. Великодушен. Пока.

Говорили, что и Генрих когда-то был таким. Но власть рождает чудовищ, а Катарина не хотела видеть, во что превратится по-своему дорогой ей человек.

Поздравить его? Это будет неразумно, но...

Катарина перевернула страницу.

Писали о помолвке. И о Маргарет, прославляя красоту и кротость младшей из рода Годдард. Странно, что память ее не сохранила. Ей было пять, когда Катарина покинула дом. Какая она?

Катарина погладила портрет.

Наверняка она красива... быть может, красивой Катарини. Определенно куда красивей. Ей шестнадцать, а Катарине двадцать семь. Она только-только расцветает, а Катарина... ей не так долго осталось. Она уже старая. Старше матери, той было двадцать шесть, когда она умерла в очередных родах, оставив отцу пятерых детей.

Слезы все-таки поползли по щекам. Пускай.

Катарина нашла заметку о себе и прочитала трижды. Легче не стало. Там, во дворце, наверняка решили, что этот отъезд ясно дает понять, что время восьмой королевы ушло. Хорошо бы отец поверил.

Катарина вздохнула.

И погасила кристаллы. Закрывает глаза, уже понимая, что не уснет — вдруг появилась обида: и на Джона, который так уговаривал остаться, а потом вдруг из всех невест выбрал Маргарет, и на нее, хотя она ни в чем не виновата, и на отца, что постарался упрочить свою власть.

На всех тех людей, которые клялись в любви и преданности, а теперь просто-напросто забыли.

Нет больше королев.

Но как ни странно, Катарина провалилась в сон, и был он теплым, спокойным и полным волшебства. Такие снились ей в глубоком детстве, когда она еще верила, что мир — это чудесное место и люди просто-напросто не могут быть в нем несчастны.

ГЛАВА 7

Кайден легко поднялся по старому плещу. Он был осторожен.

Он переступил через тончайшую нить сторожевого заклятия, которое окружило дом. Надо же... нет, заклятие было весьма качественным, но Кайден умел обращаться с такими.

Дважды обойдя вокруг особняка, он остановился перед задней дверью, которая была приоткрыта.

— ...А потом она мне так и говорит...

Раздраженные человеческие голоса заставили Кайдена попятиться и замереть. Он знал, что люди в темноте видят плохо, но рисковать не собирался. Уходить тоже.

Слуги зачастую знают многое, а ему было любопытно.

— И огнем как...

— Да свистишь, если б она тебя огнем пальнула, ты б тут не стоял.

— Легко тебе говорить, — этот голос был по-женски визглив, хотя и принадлежал мужчине. — Где это видано, чтобы живых людей...

— Сам виноват, нечего было в кабаке зависать. Погоди, она еще за книги не бралась...

Ненадолго воцарилась тишина.

— А светленькая ничего так... сочная... я б ее...

Человек добавил пару слов, после которых рука Кайдена сама потянулась к клинку. И сущность Тени отозвалась легко, она тоже не любила тех, кто вот так неуважительно обсуждал женщин. Впрочем, Тень вообще к людям относилась с немалым предубеждением.

— Заткнулся бы ты от греха подальше, — проворчал второй и поднялся со ступенек. — Если кто услышит, потом не жалуйся...

— Донесешь?

— Больно надо... только с мьесс вязаться себе дороже...

— Любую кобылу стреножить можно.

В воздухе запахло дымом.

— Гляди, чтоб эта кобыла тебе руки не переломала по самые локти, — человек был велик и пахло от него водным камнем. Запах этот заставлял Кайдена морщиться.

Кровь великанов?

Сильно разбавленная, но все же она сказывалась в этом человеке, наделив его немалым ростом и, как Кайдена подозревал, силой.

— А что я? — второй, сидевший на ступенях, был невелик и сутуловат. — И без меня умельцы найдутся...

— Луис! — жесткий окрик заставил лакея вскочить. — Где тебя демоны носят? Бездельник...

Женщина, выглянувшая во двор, огляделась. Нахмурилась. И добавила пару таких слов, что покраснел даже Кайдена.

— В дом идите, — сказала она уже спокойней. И отступила. — Завтра день тяжелый, велено ремонт начать.

Кайдена улыбнулся. Если дом будут ремонтировать, значит, Катарина не уедет. А это хорошо. Очень хорошо. Вот только...

Ночной ветер погнал по дорожке пыль, и на долю мгновенья запахло... неправильно. Резко. По-звериному. Впрочем, не успел Кайдена понять, что это за запах и почему заставляет он вжиматься в землю, как тот исчез, сменившись тяжелым цветочным ароматом.

— Вот дура... — пробормотал первый, и непонятно было, о ком именно он говорит.

Дверь закрылась. А Кайдена двинулся по кругу.

Дом был стар. И сад был стар. Он подобрался вплотную, вцепился в камень шипами и колючками, пустил в него корни. Он протянул к камню ветви, распушил зеленую листву, укрывая его от ночного ветра. И Кайдена тоже, хотя ветер ему не грозил.

Взобравшись по лозам, он ненадолго задержался на подоконнике, ровно настолько, чтобы раздвинуть нити сторожевого заклятия. Само его присутствие Кайдена скорее порадовало, разве что показалось заклятие чересчур уж простым. Впрочем, для людей сойдет.

Он скользнул в комнату. Вдохнул запах, такой мучительно сладкий, смешанный с ароматами трав и благовоний.

Комната была невелика.

Странно. Хозяйку могли бы поселить в покои попросторней. А здесь... от стен едва уловимо тянуло сыростью. В камине еще воровалось пламя, которое, почуяв Кайдена, взметнулось, зашумело.

— Тихо, — он прижал палец к губам и плеснул в огонь силы, которую тот принял благодарно.

Пол поскрипывал.

И Кайден поморщился: с мертвым деревом договориться еще сложнее, чем с огнем.

— Деточка? — этот хриловатый голос заставил Кайдена метнуться к кровати, под которую он скользнул одним мягким движением. И замер, прижавшись к полу.

Следовало признать, что дому не нравился не только Кайден. Доски заныли, заскрежетали. Вздохнули, прогибаясь под весом женщины, и распрямились.

— Спишь? И хорошо...

От этой пахло магией, и запах был острым, едким даже. Кайден вжался в пол, отметив про себя, что местные слуги старательностью не отличаются. Мало того что пыль клубками лежала, так и доски были какими-то липкими.

— Спи, девочка, спи... все уж... — женщина-маг остановилась у кровати, и Кайден смотрел на босые ее ноги, узкие, длинные, с накрашенными ногтями и широкой полосой браслета на левой щиколотке. — А мужа мы тебе найдем... обязательно.

От браслета не просто тянуло магией, воняло так, что Кайден зажал себе нос. А вот слова про мужа ему не понравились. Категорически.

Дождавшись, когда женщина уйдет — а она не спешила уходить, будто подозревая, что Кайден находится рядом, чего быть не могло, поскольку он умел прятаться, — он выбрался из-под кровати. Отряхнулся от пыли и склонился к той, которая спала.

Во сне она выглядела милой. И тревожной.

Нахмурилась. Повернулась на бок. Взлетела и бессильно опала тонкая рука. Завозились ноги, сбивая пуховое одеяло. И пусть картина открылась пречудесная, ибо ночная рубашка незнакомки сделана была из тончайшей ткани и почти не скрывала очертаний ее тела, но ведь холодно же.

В доме. И в комнате. Поэтому Кайден одеяло поправил.

— Нет, — четко произнесла Катарина. — Нет, пожалуйста... я не виновата... ни в чем не виновата...

Она вскинула руки, вцепилась в Кайдена, и тот застыл, не зная, как быть. Бежать? Прятаться? А если придет та, другая? Или Катарина очнется... а она спит, пусть распахнула яркие свои глаза, но все равно спала. И говорила, лепетала что-то быстрое, светливое.

— Все хорошо, — Кайден положил ладонь на горячий лоб, призывая силу, которая ответила, пусть и неохотно. — Все хорошо. Спи...

— Хорошо? — тихо переспросила она.

— Конечно, хорошо. Спать надо. Отдыхать.

И Катарина послушно закрыла глаза. Опустилась на подушки и задышала ровно, спокойно, а на губах появилась улыбка. Вот так-то лучше. Но одеяло Кайдена все одно подтянул повыше.

Он постоял немного.

Коснулся прохладного лба. Прислушался. Нет, болезни он не ощущал, хотя не стоило обманываться, этого семейного дара ему достались капли, но их хватило, чтобы справиться с подагрой деда... но здесь... слабость.

И страх. Такой давний, вросший в тело.

Еще магия.

И что-то кроме, чего Кайден не мог понять. Он убрал руку и отступил к окну. Завтра... он вернется к ней завтра. И послезавтра. И еще через день. И будет возвращаться снова и снова, пока не поймет, что нужно делать.

Катарина проснулась на удивление отдохнувшей. И зевнула. Села в постели.

Зажмурилась. Солнце подступало с востока, пробиваясь сквозь гардины, за которыми шелестело зеленое море сада. Ее сада.

И мысль эта заставила улыбнуться.

— Доброго утра, — мьесс Джио уже изволила не только встать, но и облачиться, из всех своих нарядов выбрав темно-зеленое платье. Притом оттенок был на редкость неудачным.

Она сидела за туалетным столиком, пила чай и курила. На сей раз трубку.

— Что-то случилось? — хорошее настроение, с которым Катарина проснулась, моментально исчезло. Трубка Джио появлялась на свет, когда сама Джио испытывала душевные волнения.

— Не знаю... беспокойно как-то, — она выдохнула колечко дыма, которое медленно поднялось к не слишком чистому потолку. — Старею, должно быть...

Это вряд ли.

Пусть Джио вдвое старше Катаринины, если не втрое, но разве это срок для мага? Да и вообще... Катарина доверяла ее чутью куда больше, чем собственному.

— Ну, — она вскочила, оставив кружку. — Мы идем?

— А ты... серьезно?

Катарина успокоила дрожащие руки. Непокойно?

— Еще как серьезно. Мужчина в саду, дорогая моя, чтоб ты знала, это всегда более чем серьезно... так они и заводятся, сперва в саду, потом в доме, а потом уже опомниться не успеешь, как его сапоги воняют под твоей кроватью.

Катарина позволила себе улыбку.

— Так уж и воняют?

— Еще как воняют. Поэтому кавалеристов и недолюблюваю. Ощущение, что спишь не только с мужиком, но и с его лошадейю тоже... так что одевайся, нехорошо заставляя себя ждать.

— А если он не придет?

— Тогда мы просто погуляем. Будем считать, что мы совершаем утренний моцион.

Ага.

И снова. И... пожалуй, никогда прежде Катарина не одевалась так быстро и с такой охотой. Правда, легкое муслиновое платье Джио убрала в шкаф, вытащив из него темно-зеленый бумазейный наряд. Катарина понятия не имела, что у нее подобный наличествовал.

Впрочем, кажется, она вообще слабо представляла, что взяла с собой.

— И волосы... погоди, не ерзай... вот так, — Джио с косой управилась легко, окинула Катарину взглядом, кивнула сама себе и, вытащив из кошелья тонкий кожаный шнур с парой камней, обвязала им руку. — Так оно надежней...

Розовый турмалин? Камень, защищающий от приворогов и в то же время сам способный приворожить. Янтарь? И бледно-зеленая малахитовая капля.

— Не бери в голову... это так, с Зеленых берегов, — Джио любила говорить о той своей жизни и сейчас вот поморщилась, словно от зубной боли. — На удачу. И мне спокойней будет.

Янтарь — камень души, помогает успокоить. Впрочем, не стоило обманываться, проблемы Катаринины не решить вот так просто. Но она погладила гладкую бусину. Вдруг и вправду поможет?

А вот агат проясняет мысли. И вообще...

Говоря по правде, она не была уверена, что сумеет отыскать то самое место. Все-таки забрела на поляну Катарина случайно, а назад шла, слишком увлеченная собственными мыслями. Однако стоило пересечь границу ручья, и под ноги нырнула тонкая нить тропы. Дуб никуда не исчез.

Стоял, огромный, втроем не обхватишь, и кряжистый, будто устал держать на плечах своих всю тяжесть неба. Листва его серебрилась, словно инеем покрытая, а меж корнями белели маргаритки.

— Ага... — Джио крутанулась.

И снова...

Кусты малины приветливо задрожали, осыпав Катарину белым цветом. В них все так же гудели пчелы и пахло медом, хотя для меда было слишком рано.

— А ведь я взрослая женщина, — задумчиво произнесла мьесс Джио, устраиваясь на земле. Она расправила юбки, цвет которых медленно менялся, и казалось, что это трава прорастает на ткани, и на руках, и на волосах Джио. — Лапонька моя, не стой. Мужик, он существо пугливое... вот что олень твой... от оленей, правда, пользы не в пример больше...

— Какой? — Катарина опустила на траву и потрогала собственную юбку, которая также медленно менялась.

Магия? Если и так, то незнакомая...

— Исландская шерсть, — Джио поерзала, устраиваясь поудобней. — Подарок... старого друга... а что до пользы, то я вот оленину весьма жалую.

Она замолчала и прижала палец к губам, а над головой Катаринины развернулся знакомый купол.

— Так оно понадежней будет.

От магии знакомо зазудела кожа, но на сей раз зуд был слабым, и Катарина с легкостью отмахнулась от него.

Незнакомца она не услышала.

О нем зазвенели пчелы и сойка закричала, предупреждая, но тотчас смолкла, заскакала по веткам дуба, будто бы ей тоже было любопытно. А он появился, как и в прошлый раз, словно из ниоткуда.

Вот не было. Вот есть.

Стоит, озирается... видит? Катарина замерла, и сердце оборвалось. Если то, что произошло вчера, можно было считать случайно-